

СТАНОВЯСЬ ДЕВОЧКОЙ ВОЛШЕБНИЦЕЙ

no way

Становясь девочкой-волшебницей

«Автор»

2026

way n.

Становясь девочкой-волшебницей / п. way — «Автор», 2026

Все привыкли думать, что девочки-волшебницы — это милые создания в розовых платьицах, которые сражаются за любовь и дружбу. Но правда куда страшнее: магия здесь — не дар, а оружие, а волшебницы — безжалостные хозяйки тайной войны, где люди — всего лишь расходный материал. Мита Анами получает свою силу случайно — вместе со смертью младшей сестры. Её способность — бессмертие ценой чужой жизни. Раздавленная виной, она попадает в организацию «Серебряный Ковен», где ей обещают искупление через службу. Два года она убивает, умирает и воскресает — пока не встречает того, кого называют Охотником.

© way n., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Алые волосы	16
Глава 3. Настоящий убийца девочек-волшебниц	26
Глава 4. Новый союзник и старые враги	35
Глава 5. Самый страшный сон	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

no way

Становясь девочкой-волшебницей

Глава 1. Пробуждение

Все знают, кто такие девочки-волшебницы. Глупо отрицать очевидное. Их лица мелькают в новостных сводках между прогнозом погоды и курсом валют, их силуэты — в зернистых любительских видео на YouTube, набранных под завязку восторженными комментариями. Общество успело выработать к ним определённое отношение — смесь опасливого почтения и снисходительного умиления. Это всегда милые девочки в платьицах, расшитых блёстками, с бантами размером с хорошую тыкву и с цветастыми превращениями, от которых рябит в глазах. Розовый, золотой, лазурный — цвета сахарной ваты, леденцов и детских снов наяву. Они сражаются с каким-то абстрактным злом, красиво плачут, когда теряют друзей, и обязательно побеждают в финале, потому что дружба — это сила, любовь — непробиваемый щит, а справедливость всегда торжествует. Так нам рассказывают в интервью. Так мы привыкли думать, лёжа на диване и лениво переключая каналы. Так нам комфортно думать — потому что признать обратное значило бы признать, что мир гораздо страшнее, чем кажется.

Но не в этот раз.

В этот раз не было ни розового, ни блёсток, ни торжественных фанфар.

Был только красный. Тот, что внутри, и тот, что снаружи.

Дождь зарядил с самого утра, превратив сентябрьское небо в серый, протекающий целлофан. Крупные капли барабанили по карнизу с монотонной настойчивостью метронома, и этот звук, обычно успокаивающий, сегодня отдавался в висках глухой пульсирующей болью. Мита Анами стояла у окна своей крохотной комнаты, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как водяные струи разрезают воздух, разбиваясь об асфальт внизу. Мелкая дрожь била кончики пальцев, но она не могла понять, от холода это или от того странного, сосущего чувства, что поселилось под сердцем ещё во сне.

Комната была маленькой — четыре татами, письменный стол, заваленный учебниками, шкаф для одежды и узкая кровать, на которой она спала с детства. На стенах — ни плакатов, ни фотографий, ни украшений. Мита никогда не была склонна к сентиментальности в оформлении пространства. Единственным ярким пятном была старая футболка с логотипом какой-то рок-группы, которую она повесила на спинку стула ещё неделю назад и всё забывала убрать. Мать ворчала, что комната похожа на больничную палату. Мита не спорила — возможно, так оно и было. Она всегда чувствовала себя немного... временной. словно её настоящая жизнь ещё не началась и начнётся где-то в другом месте, в другое время, с другими людьми.

Ей снился океан. Она запомнила его в мельчайших подробностях, хотя обычно сны стирались из памяти через несколько минут после пробуждения. Но этот — нет. Тёмный, бескрайний, мёртвый океан, гладкий, как чёрное зеркало. И звёзды — не в небе, а глубоко под водой, словно утонувшие. Они смотрели на неё со дна, и в их свете не было ни тепла, ни надежды, только безмолвный вопрос, ответа на который она не знала. Она стояла на берегу из чёрного песка, и холодная вода лизала её босые ступни, а под водой что-то двигалось — огромное, древнее, непостижимое. Что-то, что знало её имя. Что-то, что ждало.

Ощущение тревоги, липкое и холодное, перетекло из сна в реальность и теперь пульсировало где-то в солнечном сплетении, отказываясь уходить. Мита потёрла грудь тыльной стороной ладони, словно пытаясь разогнать это чувство, но оно только усилилось. Она не верила в предчувствия. Она вообще мало во что верила. Но сегодня всё было иначе. Сегодня само мироздание, казалось, намекало на то, что случится нечто непоправимое.

Квартира была старой и маленькой — две комнаты, крохотная кухня и совмещённый санузел, вечно пахнувший сыростью из-за плохой вентиляции. Они переехали сюда три года назад, когда отец ушёл из семьи, оставив мать с двумя дочерьми и ворохом неоплаченных счетов. Мита помнила тот день в мельчайших подробностях: пустая вешалка в прихожей, где раньше висело его пальто; мать, сидящая на полу с каменным, застывшим лицом, без единой слезинки; и Юна, которая плакала, уткнувшись сестре в плечо, и всё повторяла: «Почему? Почему он ушёл? Мы же его любили...» С тех пор Мита взяла на себя роль молчаливой опоры — не слишком ласковой, не слишком разговорчивой, но всегда рядом. Она не умела утешать словами. Она умела только быть.

Отец иногда звонил — раз в несколько месяцев, обычно поздно вечером, когда думал, что все уже спят. Мита пару раз брала трубку, но в ответ слышала только тяжёлое дыхание и тихие щелчки — он не решался заговорить. Она не знала, где он сейчас и с кем. И, если честно, ей было всё равно. Он сделал свой выбор. Она свой — остаться с теми, кто в ней нуждался.

Её собственные волосы, обычно собранные в небрежный хвост, сегодня рассыпались по плечам: красные с внешней стороны, словно запёкшаяся кровь, и светло-красные, почти розовые у корней, изнутри. Редкий генетический каприз, из-за которого в младших классах её дразнили «светофором», «пожарной машиной» и «красной шапочкой-мутантом», а теперь просто избегали смотреть в глаза слишком долго. Мита привыкла к косым взглядам. Привыкла к тому, что люди сначала видят её волосы, а потом уже — её саму. Иногда ей казалось, что она сама стала всего лишь придатком к собственным волосам — ходячим алым пятном, которое нельзя не заметить.

Цвет, который она ненавидела. Цвет, который всегда привлекал слишком много ненужных взглядов на улице. «Слишком яркая», — говорила мать, поджимая губы, когда Мита в очередной раз отказывалась перекраситься в «приличный» чёрный или хотя бы тёмно-каштановый. «Слишком вызывающая», — вторили школьные учителя, хотя сама Мита никогда не делала ничего вызывающего — просто существовала с этим цветом. Носила его, как проклятие, доставшееся от какого-то далёкого предка, которого она никогда не знала.

Мать работала в две смены медсестрой в городской больнице. Мита слышала, как она вернулась поздно ночью — тихие шаги в коридоре, скрип половиц, звук льющейся воды в ванной. А рано утром, ещё до рассвета, снова ушла. На кухонном столе осталась записка, написанная торопливым, усталым почерком: «Завтрак в холодильнике. Буду поздно. Люблю вас. Мама.»

Они редко виделись втроём — мать, Мита и Юна. Обычно кто-то из них уже спал, когда другая возвращалась домой. Но мать делала всё, что могла. Мита это понимала. Понимала и молча принимала свою роль — заботиться о Юне, следить за домом, не создавать проблем. Не быть обузой.

— Мита, ты опоздаешь! — голос младшей сестры, Юны, разрезал тишину квартиры, как звонкий колокольчик. — Харука-сан не прощает опозданий на первую пару, ты же знаешь! Она в прошлый раз Кенджи из класса выгнала, и он простоял в коридоре все девяносто минут, бедняга!

Мита медленно, нехотя обернулась. Юна стояла в дверном проёме, уже полностью одетая в школьную форму — белая блузка, синяя юбка, аккуратно завязанный галстук. Волосы, такие же рыжие, но однородного оттенка, без причудливой градации, были собраны в два коротких хвостика, которые она называла «антенками» и утверждала, что они помогают ей лучше чувствовать настроение сестры. Она сжимала в одной руке два бумажных пакета с завтраком — рисовые колобки с водорослями и лососем, их любимые, которые она сама приготовила вчера вечером, — а в другой держала свой старенький смартфон, на экране которого уже высветилось оповещение об опаздывающем автобусе.

Юне было четырнадцать, на два года младше самой Миты. Но, глядя на них со стороны, можно было легко перепутать, кто здесь старший ребёнок. Ответственная, заботливая, до тошноты правильная — она вела домашнюю бухгалтерию после того, как мать стала работать в две смены, следила за тем, чтобы холодильник не пустовал, и даже умудрялась напоминать Мите о школьных проектах и дедлайнах. В её мире всё было разложено по полочкам: школа, дом, помощь маме, время на подруг. И где-то в этом расписании всегда находилось место для заботы о старшей сестре, которая, казалось, жила в каком-то своём, параллельном измерении, где время текло иначе, а школьные правила были чем-то вроде рекомендаций, которые можно игнорировать.

Миту всегда удивляло, как Юне удаётся сохранять такой оптимизм. После ухода отца, после переезда в эту тесную квартиру, после того как мать стала пропадать на работе — Юна всё равно улыбалась. Готовила завтраки, напевала под нос дурацкие песенки из рекламы, строила планы на будущее. Она была как маленькое солнце, которое упрямо светило даже в самую пасмурную погоду. И Мита — сама того не осознавая — грелась в этом свете.

— Иду, — буркнула Мита, отлипая от окна. Стекло запотело от её дыхания, оставив мутное пятно, которое медленно стягивалось к центру, словно рана. — Дай мне две минуты.

Она натянула школьный пиджак, проверила карманы — телефон, кошелёк, ключи, — и подхватила рюкзак, валявшийся у двери. В зеркале прихожей мелькнуло её отражение: бледное лицо с острыми скулами, тёмные круги под глазами после очередной бессонной ночи и эти проклятые волосы, горящие даже в тусклом свете лампочки. Она выглядела старше своих шестнадцати. И уставшей. Бесконечно уставшей — не столько физически, сколько от жизни в целом. Мита поморщилась и отвернулась.

Юна уже стояла в коридоре, раскрыв большой чёрный зонт — тот самый, который мать купила на распродаже в прошлом году и который был таким огромным, что под ним могли поместиться три человека. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, но в её глазах не было раздражения — только привычная забота.

— Держись ближе, а то промокнешь, — сказала она деловито, поправляя лямку рюкзака. — И надень капюшон, у тебя волосы намокнут. Опять потом будешь чихать весь день.

— Да, мамочка, — фыркнула Мита, но в её голосе не было злости. Только усталость и какая-то теплая, почти незаметная благодарность.

Они вышли из подъезда, и дождь тут же обрушился на зонт с утроенной силой, словно только и ждал, когда девочки покажутся на улице. Водяная пыль окутывала всё вокруг серой дымкой, размывая очертания домов, деревьев и редких прохожих, спешащих по своим делам. Воздух пах мокрым асфальтом, прелыми листьями и чем-то ещё — едва уловимым, металлическим, как запах крови. Мита списала это на обострившуюся тревожность. Или на простуду, которая подбиралась к ней последние несколько дней.

Улица была почти пуста. Только дворник из соседнего дома, старик Танака, копошился у мусорных баков, накрывая их брезентом, да какая-то женщина с собачкой торопливо перебежала дорогу. Обычное утро. Обычный дождливый сентябрь. Всё как всегда. Но Мите казалось, что мир вокруг неё стал каким-то... нереальным. Словно она смотрела на него сквозь стекло аквариума. Звуки доносились приглушённо, краски поблёкли, движения людей стали замедленными. Она моргнула, потрясла головой — наваждение не прошло.

— Мне сегодня приснился странный сон, — вдруг сказала Юна, перепрыгивая через лужу. Её голос звучал задумчиво и немного растерянно. — Будто звёзды падают в океан. Огромные такие, яркие, как маленькие солнца. И когда они касаются воды, то не гаснут, а продолжают светиться где-то глубоко-глубоко. Так красиво... и так страшно одновременно. Как будто они живые и зовут меня. Как будто они знают моё имя.

Мита споткнулась на ровном месте. Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле. Сон. Океан и звёзды. Те же образы. Те же ощущения. Она замедлила шаг, пытаясь скрыть волнение.

— И что дальше? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Получилось не очень.

— Не помню. — Юна пожала плечами, улыбнувшись своей обычной беззаботной улыбкой. — Проснулась раньше, чем досмотрела. Но ощущение осталось странное. Как будто это был не просто сон, а... не знаю... предчувствие какое-то. Или воспоминание о чём-то, что ещё не случилось. Глупо, да?

— Глупо, — согласилась Мита, но внутри у неё всё похолодело.

Она хотела рассказать сестре о своём сне — о чёрном песке, о мёртвом океане и утонувших звёздах, о чём-то огромном, что шевелилось под водой и знало её имя. Но слова застряли в горле. Что-то удержало её — какой-то древний, животный инстинкт, нащёптывающий, что некоторые вещи не стоит произносить вслух. Что слова обладают силой придавать форму бесформенному. Что называть кошмар — значит приглашать его в реальность.

Они шли по узкой улочке, ведущей к главному проспекту. Старые дома с облупившейся краской жались друг к другу, словно ища защиты от непогоды. На перекрёстке, как всегда в это время, стоял фургончик с уличной едой — пожилой продавец в мокром фартуке ловко переворачивал якитори, и дым от жаровни смешивался с дождевой взвесью, создавая причудливые узоры. Юна помахала ему рукой — они часто покупали здесь перекус после школы.

Юна продолжала щебетать, перескакивая с темы на тему с лёгкостью, свойственной только подросткам: контрольная по математике, которую она боялась завалить («Там эти дурацкие интегралы, я вообще не понимаю, зачем они нужны в жизни!»); новая мобильная игра, в которую она залипла на прошлой неделе и теперь проходила уровень за уровнем; одно-классница Маяко, которая опять пришла в школу с немытыми волосами, потому что «это новый тренд, ты не понимаешь»; и новое кафе у станции, в котором якобы подают лучший молочный коктейль в городе («Там такое оформление — всё розовое и с единорогами! Тебе бы не понравилось, но я тебя всё равно туда затащу!»).

Мита слушала вполуха, кивая невпопад, а сама смотрела на капли дождя, разбивающиеся об асфальт, и чувствовала, как свинцовая тяжесть в груди растёт и пульсирует, словно живое существо, пытающееся прорваться наружу. Она не могла избавиться от ощущения, что что-то должно случиться. Что-то страшное и неизбежное — как поезд, который мчит на тебя из темноты, а ты стоишь на рельсах и не можешь пошевелиться.

Они подошли к перекрёстку. Главный проспект был оживлён даже в такую погоду: машины шуршали шинами по мокрой дороге, автобусы с пыhtением тормозили на остановках, редкие велосипедисты, рискуя жизнью, лавировали между потоками транспорта. Светофор горел красным для пешеходов. Где-то вдалеке завывала сирена — скорая помощь пробиралась сквозь пробки к очередному пациенту. Обычный городской шум. Обычное утро.

Мита остановилась, машинально взяв сестру за локоть.

— Подождём, — сказала она. Её голос прозвучал хрипло.

Юна кивнула и достала телефон, проверяя уведомления. Секунды тянулись медленно, как тягучая патока. Мита смотрела на красный сигнал светофора и думала о том, что этот цвет преследует её повсюду. Её волосы. Её сны. Её кровь. Всё было красным. Может быть, это знак? Может быть, она просто сходит с ума от недосыпа, и никакого знака нет? Или наоборот — знак есть, но она не умеет его читать?

— Мита, — вдруг сказала Юна, не отрываясь от телефона. — Ты когда-нибудь думала о том, что было бы, если бы у нас были суперспособности? Ну, как у тех девочек-волшебниц из новостей?

— Нет, — отрезала Мита. — Это всё глупости.

— Ну а вдруг? — не унималась Юна. — Я бы хотела уметь летать. Или лечить людей. Или... о, стать невидимкой! Представляешь, как весело? Можно было бы пробираться в кино бесплатно!

— Ты и так пробираешься в кино бесплатно, — напомнила Мита. — Через запасной выход.

— Это другое! — рассмеялась Юна. — С суперспособностями было бы круче!

Светофор мигнул и переключился на зелёный.

— Пошли, успеваем! — Юна схватила сестру за руку и потянула вперёд, на пешеходный переход.

Они сделали несколько шагов. Мита помнила это отчётливо — три шага по мокрой зебре, хлюпанье воды под подошвами, холодные капли, падающие на лицо из-под кромки зонта.

А потом мир взорвался.

Мита не сразу поняла, что произошло. Сначала был звук — низкий, утробный рёв двигателя, работающего на предельных оборотах. Он нарастал стремительно, как приближающийся поезд, как камнепад в горах. Потом крик Юны — короткий, испуганный, оборвавшийся на полуслове. Потом...

Удар.

Этот звук Мита запомнила навсегда. Не визг тормозов — водитель даже не успел затормозить. Глухой, страшный, тошнотворный звук столкновения металла с плотью, от которого земля ушла из-под ног. Грузовик — огромная фура с цистерной, гружённая чем-то горячим, — вылетел на красный свет на полной скорости, даже не притормозив. Его занесло на мокрой дороге, и многотонная махина пошла юзом, сметая всё на своём пути. Машины, дорожные знаки, фонарный столб — всё это сминалось, как бумага, в страшной, неостановимой инерции.

Мита почувствовала, как её тело подбрасывает в воздух — легко, словно она ничего не весила. На долю секунды она увидела небо — серое, равнодушное, затянутое тучами. Капли дождя застыли в воздухе, как стеклянные бусины. Она увидела лицо Юны — искажённое ужасом, с широко распахнутыми глазами. Их руки всё ещё были сцеплены.

А потом наступила темнота.

Темнота и тишина. И боль — такая огромная, всепоглощающая, что она не умещалась в теле. Мита чувствовала, как её тело разрывается на части — кости, мышцы, кожа, всё, из чего она состояла, распадалось, горело, исчезало. Она должна была умереть. Обязана была умереть. Человеческое тело не может пережить такое. Но сознание... сознание осталось.

Она висела в пустоте, лишённая тела, но полная ужаса. В этой пустоте не было ничего — ни верха, ни низа, ни звуков, ни запахов, ни времени. Только бесконечная, абсолютная, чёрная пустота и она сама — сгусток мыслей и страха, запертый в небытии. Она помнила всё: визг шин, крик Юны, удар. Она знала, что умерла — должна была умереть, — но почему-то всё ещё существовала. Мысль металась в чернильной тьме, как пойманная птица, бьющаяся о прутья клетки.

«Я умерла? Я мертва? Это смерть? Но почему я всё ещё думаю? Почему я всё ещё чувствую? Где свет? Где туннель? Где что угодно?»

А потом пришёл Свет.

Нет, это был не Свет, а скорее Сделка, обретшая форму. Или Сущность — древняя, непостижимая, существующая по ту сторону реальности, где человеческие понятия добра и зла, жизни и смерти не имели никакого смысла. Мита не видела её, но чувствовала каждой клеткой своего разорванного естества. Чувствовала так же ясно, как чувствуют холод или жар. Холодный, расчётливый, безмерно древний разум коснулся её — не физически, но на каком-то более глубоком, фундаментальном уровне, который невозможно описать словами.

Он не использовал слова. Человеческий язык был слишком примитивен для этого существа. Он вкладывал образы, концепции и смыслы прямо в то, что осталось от её сознания — как бросают камни в тёмную воду, и круги расходятся во все стороны.

«Ты хочешь жить?»

Это не было вопросом. Это была констатация факта. Сущность видела её насквозь — видела все её страхи, желания, слабости, всё, что составляло Миту Анами. Жажда жизни была вплетена в каждую частицу её существа, дикая, животная, отчаянная. Она не хотела умирать здесь, на мокром асфальте, в шестнадцать лет, не сделав ничего, не оставив следа. Она хотела жить — несмотря ни на что. И Сущность это знала. Знала с той же абсолютной уверенностью, с какой знала всё остальное.

«Интересно. Очень интересно. Такая сильная воля к жизни в столь хрупком сосуде. Редко встретишь в вашем мире. Обычно вы так легко сдаётесь... так легко принимаете конец. Но ты — нет. Ты цепляешься за существование с силой, достойной восхищения. Или жалости. Я ещё не решила.»

В пустоте что-то изменилось. Появилось ощущение... улыбки. Жуткой, безгубой улыбки существа, для которого человеческая жизнь — не более чем разменная монета в игре, правил которой смертные никогда не узнают.

«Я дам тебе жизнь, дитя. Вечную жизнь. Ты станешь бессмертной. Ни клинок, ни пуля, ни сама смерть не смогут удержать тебя. Ты будешь восставать снова и снова, бесконечно, пока существует этот мир. Но запомни правило — единственное, нерушимое правило, вплетённое в саму ткань нашего договора. Ты — сосуд. Твоя жизнь отныне — это воровство. Чтобы встать после падения, ты должна забрать. Одна смерть — один шаг. Одна душа — один вдох. Таков контракт. Таков закон равновесия, который я не могу нарушить, даже если бы захотела. Ты будешь жить вечно, но каждая твоя смерть будет оплачена чужой жизнью. Случайной или выбранной — неважно. Главное — рядом с тобой всегда будет кто-то, кто умрёт вместо тебя.»

Мита хотела закричать. Хотела отказаться, отвергнуть эту чудовищную сделку, закричать, что ей не нужна такая жизнь, что она не хочет быть чудовищем. Но у неё не было голоса, не было тела, не было выбора. Сделка заключалась не в словах — она была записана в самой ткани её существа, в каждой клетке, в каждом атоме. Её страх смерти и жажда жизни стали чернилами, а пустота — пергаментом. Контракт был подписан в тот самый миг, когда её разум, захлебнувшийся ужасом, ухватился за единственную брошенную соломинку — желание ЖИТЬ.

«Да будет так. Просыпайся, моя маленькая бессмертная. Просыпайся и живи. И помни — я буду наблюдать. Твой путь только начинается, и я с нетерпением жду, куда он тебя приведёт.»

Реальность обрушилась на неё водопадом боли. Её тело собиралось обратно — с хрустом, с тошнотворным чавкающим звуком срастающихся тканей, с ослепительной вспышкой агонии, которая длилась вечность и одну секунду одновременно. Кости вставали на место с щелчками, похожими на выстрелы. Разорванные мышцы сплетались заново, как змеи, образующие клубок. Кожа натягивалась на раны, оставляя гладкую, нетронутую поверхность, словно ничего и не было. Каждая клетка её тела горела, кричала, протестовала — но подчинялась чужой воле, вписанной в саму её природу.

Мита закричала, уже имея для этого лёгкие, и крик её был страшен. Нечеловеческий вопль, полный боли, ужаса и осознания. Он разнёсся над перекрёстком, перекрывая вой сирен, шум дождя и крики людей. На секунду все замерли, обернувшись на этот звук.

Она стояла на коленях посреди искореженного металла и вывороченного асфальта. Вокруг неё догорали обломки грузовика, врезавшегося в фонарный столб. Цистерна, которую он перевозил, треснула, и из неё вытекала какая-то вонючая жидкость, смешиваясь с дождевой водой и кровью. Повсюду были осколки стекла, куски искореженного металла, чьи-то вещи,

выброшенные из машин. Дождь продолжал барабанить по земле, смывая кровь с её мгновенно ставшей целой кожи, с её абсолютно целого, живого тела.

Одежда висела ключьями — школьная форма превратилась в обгорелые лохмотья, сквозь которые просвечивала гладкая, нетронутая кожа. Рюкзак исчез. Телефон, кошелек, ключи — всё пропало, разметано взрывной волной. Но сама Мита была жива. Абсолютно, неправдоподобно, невозможно жива.

— Юна... — прохрипела она, поворачивая голову. Горло саднило от крика, но она не чувствовала боли — только всепоглощающий, ледяной ужас.

Её младшая сестра лежала в нескольких метрах. В отличие от Миты, ей не предлагали никаких сделок, не давали выбора и не заключали контрактов. Её тело было сломанной куклой, выброшенной злым ребёнком на пол. Руки вывернуты под неестественным углом — так не должны лежать человеческие руки. Школьная форма пропиталась кровью, и тёмно-красное пятно расплзлось по белой блузке, словно цветок. А остекленевшие глаза смотрели прямо на Миту.

В них застыло последнее, предсмертное удивление. Юна не понимала, что произошло. Она просто была — тёплая, живая, полная планов и надежд, — и вдруг перестала. В одно мгновение, в одну секунду, в один удар сердца. Её зонт всё ещё валялся рядом, сломанный, с вывернутыми спицами, похожий на мёртвую птицу.

Мир вокруг замер. Звуки исчезли, краски поблели, остались только эти глаза — глаза цвета лесного ореха, — смотрящие с немим, вечным укором. Мита попыталась подползти к сестре, но руки не слушались. Они дрожали и подламывались, как у новорождённого оленёнка. Она смотрела на Юну и чувствовала...

Прилив силы.

Тёплой, густой, чужой. Она текла по жилам, как горячий шоколад, наполняя тело энергией, жизнью, магией. Это было отвратительно и прекрасно одновременно — это чувство наполненности, целостности, мощи. Мита чувствовала, как внутри неё раскрывается что-то новое, что-то огромное и пугающее — её способность. Её проклятие. Она была жива. Она была абсолютно, неправдоподобно цела. А Юна — нет.

И где-то глубоко внутри, в самых тёмных закоулках своего нового, восстановленного, украденного сердца, Мита знала правду. Она не могла бы объяснить, откуда она это знает — это знание было вплетено в её новую природу так же прочно, как ДНК. Её воскрешение стоило жизни единственному человеку, который оказался рядом в момент активации контракта. Самому близкому. Самому любимому.

Ценой её бессмертия стала смерть её сестры.

Мита закричала снова, но на этот раз в крике не было физической боли. Только чистое, незамутнённое отчаяние — такое глубокое и всепоглощающее, что оно, казалось, высасывало сам воздух из лёгких. Она не хотела этого. Она не выбирала этого. Она бы отдала всё — всё! — чтобы поменяться с Юной местами. Но это не имело значения. Результат был один. Факт был один. Юна мертва. Она жива. И это навсегда.

Вокруг начали собираться люди. Те, кто не пострадал в аварии или кто подошёл на шум из соседних домов. Кто-то кричал, вызывая скорую. Кто-то плакал. Кто-то пытался помочь пострадавшим. Кто-то просто стоял и смотрел, прижав ладони ко рту, не в силах поверить в реальность происходящего. Обычные прохожие, ставшие свидетелями трагедии. Они видели взрыв, видели грузовик, видели двух девочек, попавших под удар. И теперь они видели одну из них — живую и невредимую, стоящую на коленях посреди ада.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Она жива! Девочка жива!

— Этого не может быть... — прошептал другой голос, и в нём звучал священный ужас. — Она была прямо перед грузовиком... Её должно было разорвать на куски...

— Она вся в крови, но на ней нет ран! Как такое возможно?!

Люди доставали телефоны, снимали её на камеру. Мита видела объективы, направленные на неё, как дула пистолетов. Кто-то пытался подойти ближе, но останавливался, будто наткнувшись на невидимую стену. Она не могла на них реагировать. Она могла только смотреть на тело сестры и чувствовать, как внутри неё растёт волна тошноты. Её новая сила пульсировала, требовала выхода, требовала действия — но она не знала, что с ней делать. Она вообще ничего не знала.

А потом появились ОНИ.

Три фигуры, возникшие словно из ниоткуда — никто не заметил, как они подошли. Просто в какой-то момент они оказались здесь, среди дыма и обломков, возвышаясь над толпой, как статуи древних богинь. Девочки-волшебницы. Настоящие.

Никаких розовых юбочек и блестящих аксессуаров из телевизора. Их платья сверкали в свете фар столпившихся машин холодным, металлическим блеском — цвета были глубокими, мрачными, военными. Одно — глубокого синего цвета, словно ночное небо перед грозой, с серебряными вставками, напоминавшими звёзды. Второе — кислотно-зелёное, ядовитое, режущее глаз, переливающееся оттенками от салатного до изумрудного. Третье — серебристо-серое, как лезвие свежезаточенного ножа, строгое и простое, без единого украшения. Никаких бантов и рюшей — строгие, почти военные линии нарядов, подогнанные точно по фигурам. Холодные, оценивающие лица, на которых не было ни капли того «милого» образа, который так любили показывать по телевизору.

Девушка в синем, видимо, старшая, присела перед Митой на корточки. Её движения были плавными и уверенными — так двигается тот, кто привык командовать. Её зрачки были вертикальными, как у змеи, и от этого взгляда по спине Миты побежали мурашки.

— Новенькая, — произнесла она мелодичным голосом, который совершенно не вязался с её отстранённым, почти клиническим выражением лица. — Сильное пробуждение. Очень сильное. Неконтролируемый всплеск магической энергии... я бы сказала, пятого или даже шестого уровня. Настоящая редкость. Такой мощи я не видела уже пару лет.

Она говорила о магии. О магии, которая теперь текла в жилах Миты, — холодной, чужеродной субстанции, обещавшей вечную жизнь ценой чужих смертей. Мита смотрела на неё и не понимала, почему она не чувствует радости или благодарности за спасение. Только страх. Только отвращение. Только желание, чтобы всё это оказалось страшным сном.

Девушка в зелёном платье подошла ближе и склонила голову набок, разглядывая Миту с безразличным любопытством, словно энтомолог, обнаруживший новый, ещё не описанный вид насекомого. Её кожа имела лёгкий зеленоватый оттенок, а от платья исходил сладковато-гнилостный запах.

— Ты убила свою сестру, чтобы воскреснуть? — спросила она, даже не пытаясь скрыть ноток злорадного интереса в голосе. — Забавный у тебя тип магии. Редкий. Полезный. Бессмертие за чужой счёт — это же просто находка для любой организации. Начальство будет в восторге.

Слова били наотмашь, не оставляя и шанса на иллюзию, на спасительное отрицание. Мита хотела закричать, что это неправда, что она не выбирала, что это была случайность, что она никого не хотела убивать — но горло сдавил спазм. Потому что формально зелёная была права. Юна мертва. Она жива. И между этими двумя фактами пролегла прямая, как стрела, причинно-следственная связь, которую не разорвать никакими оправданиями. Не разорвать словами. Не разорвать ничем.

— Прекрати, Котори, — негромко сказала серебряная девушка. В отличие от первых двух, её лицо не выражало ни безразличности, ни холодного интереса — только странную, почти нечитаемую печаль. Она смотрела на Миту не как на объект исследования, а как на человека, с которым случилось страшное. Но в её глазах не было и жалости — только понимание, глубокое и спокойное. Так смотрит тот, кто сам прошёл через что-то подобное.

— А что я такого сказала? — фыркнула Котори. — Только правду. Эта девчонка только что убила собственную сестру своей магией. Или ты предпочитаешь называть это «несчастливым случаем»?

— Я сказала — прекрати.

В голосе серебряной прозвучала сталь — в буквальном смысле. Воздух вокруг неё задрожал, и Мита увидела, как из ниоткуда материализовались крошечные стальные иглы, окружившие Котори. Та закатила глаза, но отступила на шаг.

— Послушай меня, — Синяя девочка-волшебница взяла Миту за подбородок, заставляя смотреть ей прямо в глаза. Её пальцы были холодными, а прикосновение — твёрдым, не терпящим возражений. — Меня зовут Сакуя. Я командир оперативной группы «Серебряный Ковен». И прямо сейчас у тебя есть ровно два пути. Я опишу оба, а выбор — за тобой. Но предупреждаю: выбор нужно сделать быстро.

Первый путь: ты остаёшься здесь. Сейчас приедет полиция, потом спецслужбы, потом военные. Они увидят мёртвую девочку — твою сестру — и тебя, живую и абсолютно невредимую, посреди воронки от взрыва. Ты думаешь, они будут слушать твои оправдания? Ты думаешь, им будет интересно, как именно ты выжила? Нет, дорогая. Ты для них — оружие. Опасный, нестабильный артефакт, который нужно изучить. Тебя запрут в лаборатории, привяжут к койке, и следующие несколько десятилетий — а с твоей способностью это может быть очень, очень долго — ты будешь служить подопытным материалом для людей, которые даже не считают тебя человеком. Конец первого пути.

Она сделала паузу, позволяя словам осесть в сознании Миты. Её пальцы всё ещё держали подбородок девушки, не давая отвернуться.

Второй путь: ты идёшь с нами. «Серебряный Ковен» — это организация, которая находит таких, как ты, и защищает их. Мы обучаем новеньких, даём им кров, еду и цель в жизни. Мы становимся их семьёй — настоящей семьёй, которая не бросит и не предаст. С нами ты будешь в безопасности. Ты научишься контролировать свою силу. Ты перестанешь быть жертвой и станешь солдатом. Солдатом, который сражается за правое дело.

— А война? — подала голос Серебряная. Её голос был тихим, почти шёпотом, но в нём прозвучала такая сталь, что Мита невольно вздрогнула. — Не забудь рассказать ей про войну, Сакуя.

— Ах да, спасибо, Нанами. — Взгляд Сакуи стал ещё холоднее и жёстче. — Видишь ли, Мита... Ты получила свою силу не для того, чтобы прятаться и мирно жить. Прямо сейчас, пока мы тут разговариваем, идёт война. Тайная, невидимая для обычных людей, но от этого не менее настоящая. Десятки кланов и организаций по всему миру сражаются за контроль над источниками магической силы, за влияние, за территории. Мы, «Серебряный Ковен», боремся за порядок и стабильность в этом мире. Мы защищаем баланс. А против нас — те, кто хочет лишь хаоса, разрушения и безграничной власти. «Багровый Круг», «Теневой Хор», «Пламя Возрождения» — список можно продолжать долго. Они не остановятся ни перед чем. Они убивают людей, используют магию для террора и порабощения. И мы — единственные, кто стоит у них на пути.

Мита слушала, и каждое слово падало в неё, как камень в бездонный колодец. Война? Кланов? Власть? Она всего лишь школьница. Она должна была сегодня сидеть на скучной лекции по истории и думать о том, что приготовить на ужин. Вместо этого ей рассказывают о тайных войнах и предлагают стать солдатом. Разве это возможно? Разве так бывает?

— Твоя сила, Мита Анами, — продолжала Сакуя, и в её голосе появились нотки, похожие на восхищение, — уникальна. Бессмертие с условием — это оружие невероятной мощи. Я не знаю никого с такой способностью. Ты можешь умирать и воскресать столько, сколько потребуется. Ты можешь жертвовать собой на миссиях, идти в самое пекло, принимать на себя

удары, которые убили бы любую другую волшебницу. Ты — идеальный солдат. Наше самое ценное приобретение. И с этой силой ты сможешь искупить свою вину.

— Искупить... вину? — прошептала Мита, впервые за несколько минут подав голос. Её губы дрожали, а глаза всё ещё были прикованы к телу Юны.

— Конечно. — Сакуя улыбнулась, но улыбка её была холодной и острой, как лезвие бритвы. — Ты чувствуешь вину за смерть сестры, я вижу это в твоих глазах. Это хорошо. Вина — мощный мотиватор. Направь её в нужное русло. Сражайся за нас. Убивай наших врагов. Каждая смерть, которую ты принесёшь «Серебряному Ковену», будет шагом к искуплению. Твоя сила, рождённая из греха, очистится служением. Разве это не справедливо? Разве это не то, чего ты хочешь — искупить свою вину, сделать так, чтобы смерть Юны не была напрасной?

Это был обман. Чистейший, холодный, манипулятивный обман, рассчитанный на сломленное, отчаявшееся сознание. Сакуя не предлагала искупление — она предлагала бесконечную кабалу, прикрытую красивыми словами о долге и справедливости. Но в том состоянии, в котором находилась Мита — раздавленная виной, испуганная до полусмерти, лишённая каких-либо ориентиров, — слова Сакуи прозвучали единственным логичным выходом. Спасательным кругом в океане крови.

Она не могла больше видеть осуждающие, мёртвые глаза Юны. Она не могла думать о лабораториях и опытах. Она просто хотела, чтобы эта боль, разрывающая душу на части, хоть немного притупилась. И если для этого нужно было убивать — что ж, возможно, она это заслужила. Возможно, это её наказание. Возможно, это её путь.

Нанами, серебряная девушка, на мгновение встретила с ней взглядом. И Мите показалось, что в этих глазах она увидела предупреждение — слабое, почти незаметное, но всё же. «Не верь ей», — казалось, говорил этот взгляд. «Не верь ни единому слову. Но у тебя нет выбора, и я не могу тебе помочь. Пока не могу.» Но он исчез так же быстро, как и появился.

— Я... — Мита сглотнула, чувствуя, как слёзы наконец прорываются через плотину шока. Горячие, солёные, они текли по щекам, смешиваясь с дождевой водой и кровью. — Я пойду с вами.

Сакуя улыбнулась шире, и Мита могла поклясться, что увидела в её змеиных глазах не сочувствие, не радость, а чистое, незамутнённое торжество. Торжество охотника, загнавшего редкую добычу.

— Мудрый выбор, Мита Анами. Добро пожаловать в «Серебряный Ковен». Добро пожаловать на войну.

Она поднялась и протянула руку. Мита посмотрела на протянутую ладонь — белую кожу, длинные пальцы, идеальный маникюр, — и на мгновение заколебалась. Эта рука принадлежала человеку, который привык брать. Но выбора действительно не было. Она вложила свою ладонь в эту руку и позволила поднять себя на ноги.

Нанами молча подошла и накинула ей на плечи какой-то плащ — серый, неприметный, но чистый и сухой. От него пахло яблоками и металлом. Мита благодарно кивнула, не в силах говорить. Её голос пропал, растворился где-то между криком и шёпотом. Котори лишь фыркнула и отвернулась, но Мита успела заметить её взгляд — оценивающий, ревнивый, злобный.

— Уходим, — скомандовала Сакуя. — Скоро здесь будет слишком много людей. Нанами, прикрой наш след. Котори — разведка впереди. Я возьму новенькую.

Они увели её, оставив позади вой сирен, крики людей и маленькое, хрупкое тело с рыжими, такими же, как у неё, волосами. Тело, которое стало платой за её бесконечное «завтра». Мита Анами, девочка-волшебница со способностью к бессмертию, рождённому из чужой смерти, делала свой первый шаг в новый мир. В мир, полный лжи, крови и цветовых схем, в которых не было места розовому.

Только алый.

Цвет её волос. Цвет её вечного проклятия. Цвет, который отныне будет сниться ей в кошмарах каждую ночь.

Глава 2. Алые волосы

Два года. Семьсот тридцать дней. Семнадцать тысяч пятьсот двадцать часов, наполненных болью, тренировками и смертью. Срок, за который можно выучить иностранный язык до свободного владения, получить водительские права всех категорий, закончить кулинарные курсы, научиться играть на музыкальном инструменте или объехать полмира. Мита Анами за это время научилась только одному — убивать.

И с каждым разом она делала это всё лучше. И всё страшнее.

Её алые волосы, которые она когда-то ненавидела, стали длиннее и теперь напоминали струящийся шёлк цвета запёкшейся крови. Она перестала собирать их в хвост — это было неудобно в бою, когда противник мог схватить за них, — и позволяла им свободно ниспадать до лопаток, подрезая только тогда, когда они начинали мешать. Внешняя сторона — тёмно-красная, почти чёрная в тених, — и внутренняя, светло-алая, словно лепестки дикого мака, создавали гипнотический эффект, когда она двигалась. В бою её волосы развевались, как боевое знамя, и враги быстро научились бояться этого зрелища. Среди солдат вражеских кланов ходила мрачная примета: если видишь алые волосы — беги. Если не можешь бежать — молись. Потому что Алый Призрак, как её прозвали, уже умерла за этот бой.

А ты — ещё нет.

Штаб-квартира «Серебряного Ковена» находилась в неприметном семиэтажном здании на дальней окраине Токио, в районе, куда не добирались туристы и куда редко заезжали даже местные таксисты. Место было выбрано идеально: никаких достопримечательностей, никаких ресторанов с мишленовскими звёздами, никаких поводов для постороннего человека сюда забрести. Снаружи — стандартный бизнес-центр с кофейней на первом этаже, стеклянными дверями и скучающим охранником, который даже не знал, что именно охраняет. Внутри — коридоры, офисы, переговорные, кондиционеры, пахнущие пылью и озоном. Обычная компания, занимающаяся «международным консалтингом», как гласила табличка у входа.

Но если подняться на пятый этаж, приложить пропуск к неприметной панели за автоматом с газировкой и пройти через магически замаскированную дверь — открывался совсем другой мир. Тренировочные полигоны с изменяемой геометрией пространства, способные симулировать любую боевую ситуацию — от городских развалин до густого леса. Оружейные комнаты, где хранились не только обычные клинки и стволы, но и зачарованные артефакты, созданные волшебницами прошлых поколений. Медицинский отсек с капсулами быстрой регенерации, которые могли залечить практически любую рану, кроме смертельной. И жилые комнаты — аскетичные, но удобные, с кроватями, столами и душевыми кабинами, — где девочки проводили редкие часы отдыха между миссиями.

Мита давно перестала считать это место своим домом. Дом — это там, где тебя ждут и любят. Здесь её не ждали. Здесь её использовали. Здесь каждое утро она просыпалась с мыслью о том, сколько человек ей придётся убить сегодня.

Её комната была восьмой по счёту в коридоре — маленькая, безликая, с серыми стенами и единственным окном, выходящим на стену соседнего здания. Она не стала её украшать. Не вешала фотографий, не расставляла безделушек. Только стопка книг на тумбочке — старые романы, которые она читала по ночам, когда не могла уснуть, — и запасная боевая форма в шкафу. Всё остальное было лишним. Всё остальное могло сгореть, исчезнуть, потеряться — и она бы не заметила.

Первые месяцы после пробуждения были самыми тяжёлыми. Мита почти не спала, мучимая кошмарами, в которых снова и снова видела лицо Юны. Ей снилась сестра — живая, тёплая, смеющаяся, — а потом она просыпалась в холодном поту и вспоминала, что Юны больше нет. Что она сама её убила. Что каждая секунда её жизни куплена ценой этой смерти.

Сакуя не давала ей времени на рефлексия. С первого же дня новенькую бросили в тренировки — жестокие, изнурительные, на грани выживания. «Магия — это не дар, — повторяла Сакуя, наблюдая, как Мита корчится на полу после очередного спарринга. — Это оружие. А оружие требует дисциплины. Ты должна научиться контролировать свою силу, иначе она уничтожит тебя. Или, что хуже, кого-нибудь из нас.»

Контролировать бессмертие оказалось непросто. Способность Миты не была активной — она не могла включать и выключать её по желанию. Бессмертие работало автоматически, в момент смерти, забирая ближайшую доступную жизнь. Как именно выбиралась жертва, Мита не понимала. Это происходило на каком-то уровне, недоступном сознанию. Но она знала, что если умрёт в окружении друзей — умрёт кто-то из них. Поэтому она тренировалась не умирать. Тренировалась уклоняться, блокировать, предвидеть атаки. Её боевой стиль стал оборонительным, осторожным, расчётливым — полная противоположность тому, что ожидала от неё Сакуя.

— Ты должна атаковать! — кричала Сакуя во время спаррингов. — Ты бессмертна, так используй это! Бросайся на врага, не думая о последствиях! Твоя смерть — это их смерть, так пусть они боятся тебя!

Но Мита не хотела, чтобы её боялись. Она не хотела убивать. Она хотела только одного — чтобы всё это закончилось.

— Опять опаздываешь, — голос Сакуи раздался раньше, чем Мита переступила порог командного центра.

За два года их командир почти не изменилась. Та же идеальная осанка, те же змеиные зрачки, та же холодная, оценивающая манера держаться. Сакуя, Девочка-Волшебница Оружия, сидела на широком подоконнике, закинув ногу на ногу, и лениво поигрывала каким-то мелким предметом, который мог быть как зажигалкой, так и спусковым крючком от невидимой пока винтовки. Её форма — облегающий синий костюм с серебряными вставками, подогнанный точно по фигуре, — сияла в тусклом свете командного центра. Воздух вокруг неё всегда был наполнен лёгким запахом пороха и озона — следствие её уникальной магии.

Сакуя могла создать любое огнестрельное оружие из чистой магической энергии — просто представив его. Пистолеты, автоматы, снайперские винтовки, дробовики, гранатомёты — всё, что угодно, от миниатюрного дамского «Вальтера» до экспериментальной импульсной пушки, разрывающей реальность на линии выстрела. Её сила не требовала патронов или перезарядки — только концентрацию и магический резерв. И именно эта сила делала её одним из самых опасных бойцов «Серебряного Ковена».

Сакуя не была злой в привычном понимании этого слова. Она была... практичной. Циничной до мозга костей, но практичной. Она никогда не получала удовольствия от убийств — по крайней мере, Мита этого не замечала. Просто она чётко разделяла мир на «своих» и «чужих» и не испытывала к последним ни капли сочувствия. «Своих» она, впрочем, тоже не особо берегла, но хотя бы не убивала без нужды. Мите иногда казалось, что для Сакуи все люди — включая её саму — были просто фигурами на шахматной доске. И она двигала их с холодной эффективностью гроссмейстера.

— Я не опаздываю, — ответила Мита, проходя мимо Сакуи и направляясь к своему обычному месту у стены. — Я ждала в коридоре, пока Котори перестанет ошиваться у входа. От неё сегодня особенно сильно несёт её духами. Ядовитый плющ, кажется. Или что-то с цианидом.

Из дальнего угла комнаты раздался ехидный смешок. Котори, Девочка-Волшебница Яда, развалилась в кресле, поджав под себя ноги и лениво перелистывая какой-то модный журнал трёхмесячной давности. Её кислотно-зелёное платье переливалось в свете ламп, меняя оттенки от ярко-салатового до глубокого изумрудного, а кожа имела лёгкий зеленоватый оттенок — побочный эффект длительного использования собственных способностей. Вокруг неё

в воздухе витал сладковато-гнилостный запах, который всегда становился сильнее после её дежурств в лаборатории ядов.

Котори могла вырабатывать практически любой яд, существующий в природе, а также несколько формул собственного изобретения — плоды долгих экспериментов над пленными врагами. От быстродействующих нейротоксинов, убивающих за секунду, до медленных, мучительных ядов, которые разлагали жертву изнутри неделями, причиняя невыносимые страдания. Она была мастером отравлений, диверсий и допросов — и, в отличие от Сакуи, она свою работу любила. Искренне, почти чувственно.

— Мои духи хотя бы приятно пахнут, — пропела Котори сладким голосом, накручивая на палец прядь зелёных волос. — В отличие от запаха разлагающейся плоти, который ты приносишь с каждой второй миссии. Серьёзно, Анами, ты как ходячий морг. Может, тебе уже завести освежитель воздуха? Или хотя бы духи? Я могу составить для тебя индивидуальную композицию — что-нибудь с нотками боли и отчаяния. Будет идеально сочетаться с твоим образом.

— Заткнись, Котори, — спокойно, без всякой злобы в голосе сказала третья.

Нанами. Серебряная Девочка-Волшебница. Она сидела за своим обычным местом — небольшим столом у окна — и молча ела яблоко, отрезая аккуратные дольки маленьким ножом из собственноручно созданной стали. Нож был произведением искусства: тонкое лезвие, идеальный баланс, рукоять, украшенная крошечными серебряными звёздами. Нанами создавала такие вещи effortlessly, без малейших усилий — просто думала о них, и сталь принимала нужную форму.

Её способность — полный контроль над сталью и большинством сплавов на основе железа — была одной из самых впечатляющих в их отряде. Нанами могла поднимать в воздух многотонные стальные конструкции, создавать из металла любое оружие или защитные барьеры, чувствовать присутствие стали в радиусе сотен метров. В бою она была подобна богине: стальные лезвия, вырастающие, казалось, из самого воздуха, кружились вокруг неё смертоносным вихрем, а любая металлическая поверхность становилась её оружием. Враги, вооружённые мечами или пистолетами, обнаруживали, что их собственное оружие обращается против них.

Но у этой силы была цена. Её организм расходовал железо с огромной скоростью, и для поддержания способностей ей требовалось постоянно пополнять запасы. Яблоки — богатые железом, особенно их сердцевина — были самым эффективным и удобным способом. Она съедала по десять-двенадцать штук в день, и в её комнате всегда стоял ящик с этими фруктами. В шутку её иногда называли «Яблочной Принцессой», но только за глаза и только те, кто не дорожил собственными конечностями. Один раз Котори попробовала произнести это прозвище в лицо Нанами. Закончилось тем, что зелёная волшебница неделю ходила с металлическим вкусом во рту и занозами по всему телу, которые Нанами «случайно» создала из микроскопических частиц стали в воздухе.

Нанами почти никогда не говорила. Когда Мита только присоединилась к Ковену и робко спросила Сакую о причинах, та сухо объяснила, что голосовые связки Нанами были повреждены во время её собственного Пробуждения несколько лет назад. Врачи разводили руками, магические целители тоже не могли помочь. Но сама Мита подозревала, что Нанами просто не считает нужным тратить слова попусту. Зачем говорить, когда можно действовать? Её молчание в бою было страшнее любого боевого клича. Её стальные лезвия говорили за неё.

Но была в этом молчании и другая сторона. За два года Мита поняла, что Нанами — единственная, кто не пытается её использовать. Она не манипулировала, не подкалывала, не оценивала и не осуждала. Она просто была рядом — молчаливая, надёжная, как стальная стена. Иногда, в редкие минуты затишья, она молча протягивала Мите яблоко, и та брала его, зная,

что это единственный доступный Нанами способ сказать: «Я вижу тебя. Ты не одна. Я понимаю.»

Котори закатила глаза, но комментарий придержала. Даже она, при всей своей ядовитости, знала, что с Нанами лучше не связываться. У серебряной девочки было феноменальное терпение, но когда оно заканчивалось — а заканчивалось оно редко и очень эффективно, — последствия были катастрофическими для всех, кто оказывался поблизости.

— Итак, — Сакуя прыгнула с подоконника и щёлкнула пальцами. В центре комнаты развернулась объёмная голографическая карта города, созданная из магического света — детальная, трёхмерная, с движущимися метками и цветными зонами влияния. — У нас новое задание. Разведка доложила о подозрительной активности «Багрового Круга» в промышленном районе. Старый металлургический завод «Асано», выведенный из эксплуатации четыре года назад после банкротства владельца. По докладу наблюдателей — примерно дюжина адептов, возможно, небольшой склад ритуальных артефактов или временная база. Нужно проверить и зачистить.

«Багровый Круг». Название этого клана Мита запомнила одним из первых. Они были фанатиками — худшим типом врагов, с которыми только можно столкнуться. Они поклонялись некоей древней магической сущности, которую называли «Алым Истоком», и верили, что сила девочек-волшебниц должна использоваться для «очищения» мира от «недостойных». Очищение в их понимании означало массовые ритуальные убийства, принесение жертв и постепенное истребление всех, кто не обладал магией — то есть, по сути, всего человечества.

Мита сталкивалась с ними уже трижды. Первый раз — через полгода после пробуждения, когда её послали на зачистку небольшого убежища в пригороде. Тогда она, ещё неопытная и неуверенная, едва не погибла — адепты сражались с яростью обречённых, не боясь смерти и не прося пощады. Второй раз она уже была готова и убила семерых, не получив ни царапины. Третий раз — самый тяжёлый — закончился её собственной смертью и воскрешением за счёт одного из адептов. Это было мерзкое, грязное чувство — чувствовать, как чужая жизнь вливается в тебя, отдаётся теплом и силой, а враг в это время падает замертво. Потом её рвало три часа, и даже Нанами не могла на неё смотреть.

— Идём все вместе? — спросила Котори с нотками скуки в голосе. Она отложила журнал и потянулась всем телом, как кошка. — Давненько у нас не было массовых выездов. Я уже соскучилась по хорошей драке.

— Нет, — Сакуя покачала головой и увеличила масштаб карты, фокусируясь на промышленной зоне. — Это разведывательно-ликвидационная миссия. Всего лишь дюжина целей. Незачем рисковать всем отрядом. Пойдёт Мита. Одна.

В комнате повисла короткая пауза. Тишина была такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом. Котори хмыкнула, но без удивления — она уже привыкла к такому положению дел. Нанами на мгновение перестала резать яблоко, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на протест, но она промолчала. Как всегда. Только нож в её руке слегка дрогнул, и отрезанная долька упала на пол.

Мита почувствовала знакомый холодок в груди. Её часто посылали на самые опасные задания в одиночку. И причина была до отвращения простой: она не могла умереть — точнее, могла, но её смерть ничего не стоила организации. Если миссия провалится — никто из ценных бойцов не погибнет. Если Миту убьют — она воскреснет, забрав чью-то жизнь (скорее всего, кого-то из врагов, что даже удобно). Её не нужно эвакуировать, лечить или отстранять от операций на время восстановления.

Идеальный солдат. Идеальный расходный материал.

«Ты для них просто инструмент,» — шептал внутренний голос. «Они не видят в тебе человека. Ты для них — вещь. Бессмертная вещь, которую можно использовать и выбрасывать, не задумываясь.»

Мита задвинула этот голос поглубже. Она привыкла к нему за два года.

— Я справлюсь, — коротко сказала она. Её голос прозвучал ровно и спокойно, без тени сомнения.

Сакуя кивнула, явно не ожидавшая иного ответа.

— Выдвигаешься через час. Полная боевая экипировка. Точечная зачистка. Если столкнёшься с чем-то неожиданным — немедленно отступай и выходи на связь. Твоя задача — разведка и ликвидация, а не героическая смерть. Героическая смерть от тебя никуда не денется, она у тебя в графике каждый день.

Нанами поднялась со своего места и подошла к Мите. Их глаза встретились. В серебристых глазах стояла печаль — глубокая, старая печаль, которую Нанами носила в себе с момента их первой встречи. Она протянула Мите яблоко — большое, красное, идеально гладкое, словно только что с картинки. Мита приняла его, чувствуя прохладу фрукта в ладони. Это был их ритуал — прощание перед каждой миссией.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Нанами ничего не ответила. Только едва заметно кивнула и на мгновение сжала пальцы Миты своими — прохладными, пахнущими металлом и яблочным соком. Это была её версия фразы «будь осторожна». Или, может быть, «возвращайся живой». Или «прости, что я ничего не могу изменить».

— Ой, какая трогательная сцена, — Котори картинно прижала ладони к груди. — Нанами подкармливает нашу бессмертную смертницу перед очередной прогулкой на тот свет. Я сейчас расплачусь от умиления. Может, вам ещё обняться на прощание?

— Захлопнись, — беззлобно бросила Мита и направилась к выходу, сжимая яблоко в руке.

Сакуя проводила её долгим, изучающим взглядом. Когда дверь за Митой закрылась, она повернулась к оставшимся.

— Если она не вернётся через шесть часов — выдвигаемся группой. Нанами, готовь тяжёлую сталь. Котори — яды замедленного действия. Я не хочу терять ценный актив из-за собственной беспечности.

— Ценный актив, — повторила Нанами беззвучно, одними губами. И в её глазах на мгновение вспыхнула сталь.

Завод «Асано» встретил Миту тишиной и запахом ржавчины. Старый металлургический комплекс занимал площадь в несколько гектаров — огромные цеха с провалившимися крышами, остовы плавильных печей, покосившиеся трубы, уходящие в низкое осеннее небо. Время и запустение сделали это место похожим на декорацию к постапокалиптическому фильму: выбитые окна зияли чёрными провалами, стены покрывала многолетняя копоть, полы местами провалились, обнажая ржавые балки перекрытий. Повсюду валялись остатки оборудования — сломанные станки, куски металла, битое стекло. Ветер гулял сквозь разбитые окна, создавая жуткий, заунывный вой. Пахло сыростью, машинным маслом и чем-то ещё — сладковатым, гнилостным, как разлагающаяся плоть.

Мита двигалась бесшумно, используя все навыки, вбитые в неё за два года. Её тело стало послушным инструментом, способным скользить в тенях, не потревожив ни единого камешка. Боевая форма «Ковена» — тёмно-бордовая, почти чёрная в тусклом свете, плотно облегла тело, не оставляя ни одной болтающейся детали, за которую мог бы ухватиться враг. Единственным ярким пятном были её волосы — те самые алые пряди, что стали визитной карточкой и проклятием одновременно.

Она проверила оружие — два коротких клинка на поясе и несколько метательных ножей, зачарованных на возврат. Магия магией, но сталь всегда надёжнее. Сакуя не одобряла такой подход — она считала, что волшебница должна полагаться на свою силу, а не на грубое железо.

Но Мита знала: её сила — палка о двух концах. Использовать её — значит рисковать тем, что умрёт кто-то рядом. Поэтому она предпочитала сталь.

Первые трое адептов умерли, не успев понять, что произошло. Мита возникла из тени, словно соткавшись из самой темноты, и её движения были скупыми и чёткими — никакой магии, только навыки ближнего боя, вбитые в мышечную память тысячами повторений. Удар основанием ладони в горло — хруст трахеи. Блок, бросок через бедро с переломом шейных позвонков — тело обмякло. Захват головы с резким поворотом — третий противник рухнул, даже не вскрикнув. Три тела осели на бетонный пол почти одновременно, с тихим, едва слышимым стуком.

— Простите, — прошептала она одними губами, глядя в остекленевшие глаза последнего — самого молодого, почти мальчика, которому на вид было не больше пятнадцати. Его красный балахон был велик на пару размеров, словно он надел одежду старшего брата.

Она всё ещё говорила это. Каждый раз, после каждого убийства. Это стало ритуалом, таким же обязательным, как проверка оружия перед боем. Сакуя называла это «глупой сентиментальностью, которая мешает делу». Котори откровенно потешалась, передразнивая Миту тонким голосом. Нанами просто молчала. Но Мита не могла остановиться — это «простите» было единственной ниточкой, связывающей её с человеком, которым она когда-то была. С девочкой, которая не умела убивать. С сестрой, которая всё ещё любила Юну и не могла простить себе её смерть.

Она двигалась дальше, методично зачищая помещение за помещением. Старый сборочный цех, пустой и гулкий — только голуби вспорхнули с балок при её появлении. Разрушенная котельная, где под ногами хрустело битое стекло и ржавые гайки. Административная пристройка с остатками офисной мебели и выцветшими плакатами по технике безопасности, датированными ещё девяностыми годами. Завод казался пустым, заброшенным, мёртвым.

Слишком пустым.

Мита остановилась в главном плавильном цехе — огромном помещении высотой с пятиэтажный дом, где ржавые остовы печей тянулись к провалившейся крыше, словно пальцы мёртвого гиганта. Лунный свет просачивался сквозь дыры в кровле, создавая на полу причудливые узоры. И снова никого. Разведка сообщала о двенадцати адептах, но она нашла только троих. Этого не могло быть. Либо «Багровые» ушли до её прибытия, либо...

Либо её ждали.

Чувство опасности пришло не сразу. Сначала было что-то другое — тонкое, едва уловимое покалывание в затылке, словно кто-то водил ледяным пальцем по позвоночнику. Ощущение чужого взгляда. Но не враждебного — изучающего, любопытного, почти невесомого. Так смотрит учёный на подопытную мышь. Так смотрит охотник на след зверя.

Мита резко обернулась, принимая боевую стойку. Правую руку она инстинктивно выбрала вперёд, готовясь активировать магический щит, которому её научила Нанами. Левую отвела назад — в ней уже пульсировала энергия, готовая выплеснуться атакующим импульсом.

Никого. Только темнота, прорезанная косыми полосами лунного света из разбитых окон под потолком. Но ощущение чужого присутствия не исчезало. Оно было... другим. Не таким, как взгляды врагов, полные ненависти, фанатизма или страха. Этот взгляд был спокойным. Изучающим. Словно кто-то рассматривал её через линзу микроскопа, не испытывая ни враждебности, ни симпатии — только холодный, отстранённый интерес.

«Кто здесь?» — хотела крикнуть Мита, но удержалась. Если кто-то наблюдал за ней, не стоило показывать, что она его заметила. Пусть думает, что она всё ещё в неведении.

Она медленно повернулась вокруг своей оси, сканируя пространство всеми доступными органами чувств, включая те, что пробудились вместе с проклятым даром. Магическое зрение, которое позволяло видеть ауры живых существ, не показывало ничего — значит, наблюдатель

был либо очень хорошо замаскирован, либо находился вне пределов досягаемости. Но обычное зрение...

На верхнем ярусе цеха, на галерее, опоясывающей помещение по периметру, стоял человек. Мужской силуэт, размытый темнотой. Высокий, худощавый, в тёмной одежде. Лицо скрывал низко надвинутый капюшон, но Мита могла поклясться, что видит блеск глаз — внимательных, цепких, немигающих. Глаза, которые смотрели прямо на неё из темноты, не отрываясь.

Парень в капюшоне. Он стоял, небрежно опершись на перила галереи, и смотрел на неё сверху вниз. В его позе не было ни агрессии, ни страха — только спокойное, почти ленивое любопытство. Сколько он здесь находился? Минуту? Час? Он мог наблюдать за ней с самого начала, следовать по пятам, оставаясь незамеченным — и от этой мысли по спине Миты пробежал холодок. Кто он? Враг? Союзник? Случайный свидетель, который сейчас умрёт за то, что увидел лишнее?

— Кто ты? — её голос эхом разнёсся по пустому цеху, отражаясь от стен и возвращаясь искажённым, чужим. — Отвечай, или я атакую.

Парень не ответил. Вместо этого он медленно, едва заметно покачал головой — движение было мягким, почти печальным. Словно он говорил: «Сейчас не время. Ты ещё не готова.» Или, может быть: «Ты задаёшь не те вопросы.» Или просто: «Нет.»

— Отвечай! — Мита сделала шаг вперёд, собирая в ладони сгусток чистой магической энергии. Она знала, что это опасно — её сила могла выйти из-под контроля. Но страх и злость брали своё. — Ты из «Багрового Круга»? Ты следил за мной?

Вместо ответа парень поднял руку — медленно, плавно, словно под водой. Его палец указал куда-то вниз, на цех. А потом он просто исчез. Растворился в тенях, как будто его никогда и не было — только лёгкое колебание воздуха на том месте, где он только что стоял, и призрачный шелест ткани.

Мита хотела броситься следом, но инстинкты, отточенные двумя годами войны, взвыли сиреной. Она опоздала. Парень не был угрозой — он был отвлечением. И она купилась, как новичок. Как глупая школьница, которой она когда-то была.

— Попалась, — раздался шипящий голос прямо у неё над ухом.

Удар пришёлся сбоку — тяжёлый, магически усиленный, сминающий рёбра с тошнотворным хрустом. Мита отлетела на несколько метров, прокатившись по бетонному полу и сбивая спиной пустые бочки. Мир взорвался болью. Перед глазами заплескали искры, дыхание перехватило. Она почувствовала вкус крови во рту — кажется, прокусила щёку. Но тренировки не прошли даром — она перекатилась, уходя от второго удара, и вскочила на ноги, уже активируя боевую форму до максимума.

И замерла.

Из каждого угла, из-за каждой ржавой конструкции, из тёмных провалов боковых проходов выходили фигуры. Много фигур. Очень много. Они появлялись бесшумно, словно материализуясь из самого воздуха — очевидно, здесь была применена маскировочная магия высокого уровня, способная скрыть не только ауру, но и физические тела. Красные балахоны «Багрового Круга» — их отличительная униформа — колыхались в лунном свете, как языки пламени. Лица скрывали ритуальные маски, но глаза — фанатичные, горящие, безумные — были видны отчётливо. В них не было ни страха, ни сомнения. Только предвкушение.

Их было не двенадцать.

Их было не меньше пятидесяти. Может, больше — в темноте дальних проходов угадывались новые и новые силуэты.

Засада. Хорошо спланированная, тщательно подготовленная засада. Кто-то знал, что «Ковен» пришлёт именно её, и подготовил достойную встречу. Но откуда? Информация о миссиях была закрытой, доступной только членам группы. Неужели...

«Предатель. В «Ковене» предатель. Кто-то слил информацию «Багровым». Кто-то хотел, чтобы я попала в эту ловушку.»

Времени на размышления не осталось. Первая волна адептов накатила, словно кровавое цунами, и Мита начала драться.

Это был не бой. Это была бойня.

Мита двигалась, как заведённая, — уклонялась, блокировала, била в ответ. Она использовала всё, чему научилась за два года: рукопашный бой, магические импульсы, тактические манёвры, даже грязные приёмы, которым её научила Котори (единственное, за что она была благодарна зелёной волшебнице). Она убивала. Одного, второго, третьего, четвёртого, пятого. Каждый удар находил цель, каждый выпад заканчивался смертью врага. Кровь заливала пол, смешиваясь с ржавчиной и машинным маслом, создавая скользкое, отвратительное месиво.

Но на место каждого убитого вставали двое новых. Их было слишком много. Они наваливались со всех сторон, не давая передышки, не позволяя отступить. Кто-то из адептов применил парализующее заклинание — Мита почувствовала, как левая рука онемела и повисла плетью, — но продолжала драться правой, пробивая череп ближайшему противнику, ломая кости, разрывая плоть. Её уже били сзади — колющие удары, режущие, дробящие. Она чувствовала, как рёбра трескаются, как внутренние органы превращаются в месиво, как кровь заливает глаза.

Но умирать было нельзя.

Если она умрёт сейчас — воскреснет. Воскреснет, забрав чью-то жизнь. Это дало бы ей преимущество: восстав из мёртвых, она могла бы атаковать с новой силой, застигнув врагов врасплох. Но где гарантия, что жизнь заберётся у адепта? Вдруг это будет кто-то невинный — случайный прохожий, бомж, спрятавшийся на заводе, или ребёнок, забредший поиграть? Её контракт не выбирал. Он просто брал ближайшую доступную жизнь.

«Не умирай. Не умирай. Не умирай. Ты не имеешь права умереть. Ты должна выжить. Должна выбраться. Должна...»

Тяжёлые кандалы защёлкнулись на запястьях с тошнотворным металлическим лязгом. Холодный металл обжёг кожу, и Мита почувствовала, как магия внутри неё словно захлебнулась. Это были не обычные оковы — магические подавители, артефакты, специально созданные для удержания волшебниц. «Багровые» знали, с кем имеют дело. Они подготовились именно для неё.

— Не дёргайся, Алый Призрак, — прошептал кто-то сзади, защёлкивая кандалы на лодыжках. — Мы знаем о твоём трюке с воскрешением. Знаем, что ты крадёшь жизни. Но магические оковы блокируют любую активную способность. Ты не умрёшь — а значит, и не воскреснешь. И чужую жизнь забрать не сможешь. Ты в ловушке, маленькая волшебница. В нашей ловушке.

Мита попыталась вырваться, но тело не слушалось. Раны, которые могли бы затянуться за секунды благодаря регенерации, теперь кровоточили по-настоящему. Слабость накатывала волнами — не только физическая, но и магическая. Оковы не просто блокировали её способности — они высасывали из неё энергию, медленно, но неумолимо, как пиявки.

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание, была фигура в капюшоне — но уже не на галерее, а где-то на периферии, в тени колонны. Парень стоял и смотрел. Просто смотрел, как её избивают, сковывают и утаскивают. В его позе не было ни радости, ни сожаления — только всё то же холодное, отстранённое любопытство.

«Почему ты не помогаешь? Кто ты такой? Почему ты просто смотришь?»

Тьма сомкнулась над ней, не давая ответа.

Очнулась она в клетке.

Это была не обычная клетка из стали или железа — с такими Мита сталкивалась на тренировках с Нанами. Её прутья были сделаны из какого-то неизвестного материала, тускло све-

тящегося фиолетовым. Свет пульсировал, словно сердцебиение, и с каждой пульсацией Мита чувствовала, как из неё что-то вытягивают. Не жизнь — жизнь её бессмертие хранило ревностно, даже в отключённом состоянии. Но силу. Магическую силу, которая была основой её существования как волшебницы. Медленно, капля за каплей, клетка пила её, оставляя лишь пустоту и слабость.

Она попыталась пошевелиться и поняла, что лежит на холодном каменном полу, всё ещё в кандалах. Одежда превратилась в лохмотья, сквозь которые просвечивала кожа, покрытая синяками и запёкшейся кровью. Волосы слиплись от крови — своей и чужой. Во рту стоял металлический привкус, а в груди саднило при каждом вдохе. Каждое движение отдавалось болью в десятке мест. Она была жива — и это было почти удивительно.

Помещение вокруг клетки напоминало ритуальный зал: каменные стены, испещрённые светящимися символами, факелы на стенах, бросающие пляшущие тени, алтарь в центре, покрытый бурыми пятнами — несомненно, кровью. И везде — фигуры в красных балахонах, стоящие полукругом. Они что-то скандировали на непонятном языке — гортанные, чуждые звуки, от которых вибрировал воздух, — и их голоса сливались в монотонный, гипнотизирующий гул.

— Очнулась? — один из адептов отделился от группы и подошёл к клетке. Его лицо скрывала маска, но в прорезях для глаз горел фанатичный, почти экстатический огонь. Голос звучал глухо, искажённо. — Добро пожаловать в наше скромное святилище, Девочка-Волшебница. Не такое роскошное, как штаб-квартира «Ковена», но для наших целей подходит.

Он присел на корточки перед прутьями, разглядывая Миту с жадным любопытством коллекционера, заполучившего редкий экземпляр. Его пальцы в перчатках сжали один из светящихся прутьев, и фиолетовое свечение на мгновение стало ярче.

— Знаешь, что это за клетка? — продолжал он, не дожидаясь ответа. — Мы называем её «Дренажная». Очень полезный артефакт для работы с такими, как ты. Создана несколько поколений назад специально для умирения непокорных волшебниц. Пока ты внутри, она медленно вытягивает из тебя магическую энергию и аккумулирует её в накопителях. Ты будешь висеть здесь — в прямом и переносном смысле — и питать наши ритуалы. День за днём. Неделя за неделей. Месяц за месяцем. Пока не высохнешь до самого дна, как выжатый лимон.

Мита дёрнулась, пытаясь разорвать оковы, но фиолетовое свечение только усилилось, и новая волна слабости прокатилась по телу, заставив её застонать. Это было хуже боли. Боль она могла терпеть. Но слабость — это медленное, неотвратимое угасание — была невыносима.

— А когда ты иссякнешь окончательно, — голос адепта стал почти мечтательным, как у человека, описывающего свой самый сокровенный план, — мы убьём тебя. Просто и без затей. Один удар ножом в сердце — и ты умрёшь. И твоя способность — твоё драгоценное бессмертие — сработает. Ты воскреснешь, украв чью-то жизнь. Мы уже приготовили для этого подходящих кандидатов — несколько предателей из наших рядов, нарушивших волю Алого Истока. Всё равно их ждала казнь. А так они послужат благой цели. А потом мы снова посадим тебя в клетку. И начнём пить заново.

Он засмеялся, и этот смех — тихий, булькающий, безумный — был страшнее всего, что Мита слышала за два года войны. Даже страшнее, чем крики умирающих врагов и хрипы умирающих товарищей. Потому что в этом смехе звучала абсолютная, непоколебимая уверенность. Её не собирались допрашивать, пытаться ради информации или обменивать на пленных. Её собирались использовать. Как батарейку. Как ресурс. Как вечный двигатель.

— Ты станешь нашим источником, Алый Призрак, — закончил адепт, поднимаясь. — Нашим неиссякаемым колодезем силы. И однажды, когда мы накопим достаточно энергии для Великого Очищения, твоя сила поможет нам стереть этот гнилой мир с лица земли. Разве это не прекрасная цель?

Он развернулся и ушёл, присоединившись к остальным. Ритуальное пение возобновилось с новой силой, и фиолетовое свечение клетки запульсировало быстрее, жадно высасывая из Миты всё новые и новые крохи энергии.

Она осталась одна. В темноте, холоде и боли. Запертая в клетке, которая медленно пожирает её сущность. Беспомощная. Использованная. Преданная.

И где-то там, за пределами этого каменного мешка, был парень в капюшоне. Он знал о засаде. Он видел, как её схватили. И ничего не сделал. Просто смотрел.

Почему?

Сквозь слабость и отчаяние, сквозь пульсирующую боль во всём теле, в груди Миты начало разгораться новое чувство. Холодное, острое, как стальной клинок, пронзающий сердце. Ярость. Чистая, незамутнённая, ледяная ярость. На врагов, которые превратили её в батарейку. На Сакуйю, которая послала её одну в заведомую ловушку. На таинственного наблюдателя, который видел всё и пальцем не пошевелил. На саму себя — за то, что попалась, как глупая школьница, которой она когда-то была.

«Я выживу. Я выберусь. Чего бы это ни стоило. Скольким бы жизням это ни обошлось. Даже если ради этого придётся уничтожить весь «Багровый Круг» до последнего человека. Даже если ради этого придётся умереть и воскреснуть сто раз. Я выберусь. И когда я выберусь — они заплатят. Все. Каждый, кто меня использовал. Каждый, кто меня предал. Каждый.»

Её алые волосы тускло светились в фиолетовом полумраке клетки, разметавшись по каменному полу. Цвета запёкшейся крови. Цвета, который так боялись её враги.

Пока что они забыли, почему стоит бояться.

Но Мита Анами умела напоминать. И когда она выберется — а она выберется, — никому из них не хватит масок, чтобы спрятаться от её мести.

Глава 3. Настоящий убийца девочек-волшебниц

Время в клетке текло иначе. Оно не шло — оно сочилось, как густой сироп сквозь треснувшее стекло, оставляя после себя только липкое, тягучее ощущение безнадёжности. Мита потеряла счёт часам. Может быть, прошли сутки. Может быть, трое. Может быть, всего лишь несколько минут, растянувшихся в вечность её измученным, истощённым сознанием, которое цеплялось за реальность из последних сил.

Она лежала на холодном каменном полу, прижавшись щекой к шершавой, покрытой вековой грязью поверхности. Кандалы на руках и ногах, казалось, весили тонну — или это её тело стало таким слабым, что не могло поднять собственный вес. Фиолетовое свечение прутьев гипнотизировало, пульсируя в такт с ритуальными песнопениями адептов где-то за пределами видимости. С каждым толчком этого света из неё уходила энергия — магия, жизненная сила, воля. Всё, что делало её девочкой-волшебницей. Всё, что делало её Мите Анами.

Сколько ещё она продержится? День? Два? Неделю? А потом — обещанная смерть и воскрешение за чужой счёт. Перегрузка перед новым циклом выкачивания. Вечный двигатель, построенный на чужой боли. Адепт в маске не шутил — он действительно верил в то, что говорил. Его глаза горели искренним, неподдельным фанатизмом. И от этого становилось ещё страшнее.

Мита попыталась пошевелить пальцами. Получилось не сразу — конечности онемели и отказывались слушаться, словно принадлежали кому-то другому. Она заставила себя сжать кулак, чувствуя, как короткие ногти впиваются в ладонь, прорезая кожу. Кровь — тёплая, липкая — потекла по запястью. Боль, слабая и почти призрачная, стала единственным подтверждением того, что она ещё существует. Что она ещё жива. Что она ещё не сломалась.

«Вставай.»

Голос в голове прозвучал неожиданно — тихий, настойчивый, знакомый до боли. Не тот, чужой, что нащёпывал условия контракта два года назад в ледяной пустоте небытия. Другой. Её собственный. Та часть Миты, которую она считала похороненной вместе с Юной, но которая каким-то чудом сохранилась в самой глубине души. Которая заставляла её подниматься после каждой смерти. Которая шептала «простите» после каждого убийства, но продолжала убивать. Которая не умела сдаваться.

«Вставай. Ты не имеешь права умереть здесь. Не так. Не сейчас. Ты должна выбраться. Ты должна узнать, кто тот парень. Ты должна узнать, кто тебя предал. Ты должна... ты должна жить. Ради Юны. Ради себя. Просто вставай.»

Она не додумала. Потому что в этот момент ритуальное пение резко оборвалось.

Тишина ударила по ушам, словно вакуум — резкая, звенящая, абсолютная. Даже факелы на стенах, казалось, перестали трещать, испугавшись того, что должно было произойти. А потом эту тишину разорвал крик.

Не ритуальный. Не молитвенный. Человеческий крик, полный боли и смертельного ужаса — такой крик издаёт человек, который внезапно понимает, что сейчас умрёт.

— ТРЕВО...

Второй крик оборвался на полуслове, сменившись влажным, булькающим звуком. Мита знала этот звук. Она слышала его десятки, сотни раз за последние два года. Так звучит смерть — быстрая, неотвратимая, пришедшая раньше, чем жертва успела осознать, что умирает. Так звучит рассечённое горло. Так звучит пробитое сердце. Так звучит конец.

В ритуальном зале начался хаос. Топот ног, звон оружия, отрывистые команды, полные паники, и — снова и снова — крики. Один за другим они вспыхивали и гасли, как свечи на ветру, оставляя после себя только звенящую, противоестественную тишину. Мита заставила

себя поднять голову — каждое движение отдавалось болью в шее, в плечах, в позвоночнике, — и посмотрела сквозь светящиеся прутья клетки.

То, что она увидела, заставило её сердце пропустить удар. А потом забиться с утроенной силой.

Смерть пришла в ритуальный зал. Но не абстрактная, не метафорическая — а вполне материальная, облечённая в человеческую плоть. В плащ, развевающийся за спиной, и две катаны, сияющие лунной синевой.

Он двигался, как вода. Как тень. Как сама смерть, если бы смерть решила принять форму человека и научиться танцевать. Высокая фигура в развевающемся тёмном плаще скользила между адептами с неестественной, невозможной, нечеловеческой скоростью. Движения были плавными, текучими, лишёнными каких-либо резких остановок или пауз — словно танец, поставленный безумным хореографом. И в каждой руке у этого танцора было по клинку.

Катаны. Две. Длинные, изогнутые, с лезвиями, отливающими лунной синевой даже в багровом свете факелов. Они рассекали воздух с тихим, почти ласковым шелестом — «ш-ш-ших», — который сменялся отвратительным чавкающим звуком встречи с плотью. Кровь брызгала на стены, на алтарь, на балахоны других адептов, окрашивая их в ещё более тёмный красный. Тела падали одно за другим, разрубленные с хирургической точностью — точно в жизненно важные точки, без лишних движений, без пафосных жестов, без единой wasted секунды. Ни одного удара впустую. Ни одной секунды промедления. Ни одного лишнего движения. Только чистый, совершенный танец смерти.

Мита смотрела, не в силах оторвать взгляд. Она видела убийц за свою жизнь. Видела девочек-волшебниц в бою, включая саму себя в зеркале после миссий. Но то, что делал этот человек, выходило за пределы всего, с чем ей приходилось сталкиваться. Это был не бой — это была экзекуция. Зачистка. Ликвидация. Пятьдесят адептов, которые несколько часов (или дней?) назад скрутили её и бросили в клетку, теперь умирали десятками, не успевая оказать даже символического сопротивления. Их магия, их заклинания, их оружие, их многолетние тренировки и фанатичная вера — всё было бесполезно против скорости, которую человеческий глаз просто не успевал отследить.

Адепт в маске — тот самый, который обещал ей вечную роль батарейки, — попытался активировать защитный барьер. Его пальцы засветились красным, воздух вокруг него задрожал, формируя полупрозрачный щит, который должен был выдержать удар любой силы. Парень в плаще даже не замедлился — он просто прошёл сквозь барьер, как горячий нож сквозь масло, даже не заметив сопротивления. Одно слитное движение — взмах левой катаной, отсёкший адепту обе руки по локоть, взмах правой — и голова в маске покатилась по каменному полу, оставляя кровавый след. Тело рухнуло на колени, а потом завалилось на бок, не успев осознать собственную смерть.

Когда в зале осталось меньше дюжины адептов — жалкие остатки, забившиеся в углы и трясущиеся от ужаса, — парень остановился в центре помещения. Факелы освещали его фигуру, окружённую горами тел. Кровь заливала пол, отражая пляшущие огни. Он тяжело дышал — впервые за весь бой Мита услышала его дыхание, хриплое и учащённое. Даже совершенная машина смерти имеет свои пределы. А потом он медленно, почти небрежно сбросил плащ.

Ткань упала на каменный пол, пропитываясь кровью, и Мита наконец увидела его.

Он был молод. Примерно её ровесник, может быть, на год или два старше. Высокий, худощавый, с острыми, словно вырезанными из камня чертами лица — такие лица бывают у древних статуй, у воинов, у тех, кто давно забыл, что такое улыбка. Кожа бледная, почти белая — такая бывает у людей, которые редко выходят на солнце или которые провели слишком много времени в темноте. И волосы. Тёмные, почти чёрные, они падали на глаза неровными прядями, но не скрывали взгляда.

Этот взгляд Мита запомнит навсегда. Холодный. Спокойный. Пустой. Так смотрит не убийца — убийцы смотрят с яростью, с азартом, со страхом, с удовольствием, с болью. Так смотрит палач. Человек, для которого смерть — не преступление и не подвиг, а просто работа. Рутинная. То, что нужно делать, и точка.

На поясе у него висели ножи для двух катан — одни пустые, потому что клинки всё ещё были в его руках, — и несколько запасных ножен поменьше, вероятно, для метательных ножей. Одежда — простая, функциональная: тёмная рубашка с длинными рукавами, чёрные штаны, высокие ботинки на шнуровке. Никаких магических атрибутов, никаких светящихся символов или защитных артефактов. Только сталь. Голая, холодная сталь в руках того, кто знал, как ею пользоваться.

Он поднял голову и посмотрел прямо на Миту. Их взгляды встретились — её, измученный и измождённый, полный боли, страха и отчаянной надежды, и его, спокойный и изучающий, не выражающий вообще ничего. Тот самый взгляд, который она чувствовала на заводе перед засадой. Теперь она видела его вблизи и понимала, что он рассматривает её не как врага и не как союзника. Как переменную в уравнении, которое он пытался решить.

— Какая неприятная сцена, — раздался вдруг мелодичный, звенящий голос, который эхом отразился от каменных стен.

Звук шёл откуда-то сверху. Мита с трудом повернула голову — мышцы шеи протестовали, — и увидела фигуру, парящую в воздухе над алтарём, словно сошедшую с ожившей фрески.

Девочка. Маленькая, хрупкая, с золотистыми локонами, уложенными в идеальные спирали, которые сияли даже в тусклом свете факелов. Розовое платье с оборками, бантами и блёстками — вылитая картинка из детского мультфильма, сошедшая с экрана. Большие голубые глаза, обрамлённые длинными ресницами. Невинная улыбка, открывающая ровные белые зубки. Пухлые щёчки с ямочками. Она выглядела так, словно по ошибке попала не в тот жанр — словно её вырвали из беззаботного магического аниме про дружбу и любовь и бросили в кровавый фильм ужасов с рейтингом восемнадцать плюс.

Но Мита чувствовала фальшь каждой клеткой своего измученного тела. Что-то было не так с этой девочкой. Что-то за её внешностью — милой, невинной, почти карикатурной — скрывалось нечто тёмное и отвратительное. Так сладкий запах духов иногда маскирует запах гниющей плоти. Так красивая обёртка скрывает ядовитую начинку. Так улыбка ангела прячет душу демона.

— Алиса, — произнёс парень с катанами. Его голос был тихим и ровным, без тени эмоций. Но в этом спокойствии чувствовалась готовность — та особая готовность, которая бывает у хищника перед прыжком.

— Ты знаешь меня! — девочка радостно захлопала в ладоши, и звук этот был резким, неестественным. Её движения были дёрганymi, механическими — как у сломанной куклы, которую пытаются заставить танцевать. — Как мило! Как приятно! Значит, ты понимаешь, куда попал. Это моё маленькое гнёздышко, моя уютная норка, а ты тут всех моих солдатиков порубил в капусту. Так нехорошо! Они же были такие послушные... такие верные... я их так долго собирала...

Она надула губки, и в этом жесте было столько притворства, что Миту чуть не стошнило прямо там, в клетке.

— Хотя, — Алиса склонила голову набок, разглядывая парня с новым, хищным интересом, — ты гораздо интереснее. Такой сильный. Такой быстрый. Я чувствую в тебе столько... потенциала. И магию — я чувствую магию, но ты парень. Как забавно! Ошибка природы или чей-то эксперимент?

Её голос изменился — мелодичные нотки исчезли, сменившись чем-то более низким, более взрослым, более опасным. На мгновение Мите показалось, что под милой маской мелькнуло что-то чудовищное — острые зубы, тёмные провалы вместо глаз, кожа цвета разложения.

— Как насчёт присоединиться ко мне? — проворковала Алиса. — Ты мог бы стать моим самым лучшим солдатиком. Самым любимым. Самым ценным. Мы бы вместе завоевали этот мир, очистили его от грязи, создали новый порядок. Я была бы королевой, а ты — моим верным рыцарем. Разве это не чудесная мечта?

Парень не дал ей договорить. Он исчез с того места, где стоял, и появился прямо перед Алисой, занеся катану для удара. Воздух взвизгнул, рассекаемый лезвием — сталь прошла в миллиметре от лица девочки.

Но Алиса уже не была там.

Она переместилась на несколько метров в сторону — всё так же грациозно, всё так же беззаботно улыбаясь, словно играла в салочки. Между ней и парнем встали трое уцелевших адептов, которые ещё секунду назад в ужасе жались к стенам — и двигались они как-то странно. Слишком синхронно. Слишком неестественно. Словно кто-то дёргал их за ниточки, привязанные к рукам и ногам. Словно они перестали быть людьми и стали просто куклами.

— Ты хочешь поиграть? — Алиса рассмеялась серебристым смехом, от которого у Миты по спине побежали мурашки размером с горошину. — Давай поиграем! Я так давно не играла с кем-то интересным!

Парень атаковал снова — его фигура размылась в воздухе, оставляя за собой лишь призрачный след. Катаны замелькали с невероятной скоростью, но каждый его удар встречал кого-то из адептов. Они бросались под лезвия, не думая о собственной безопасности, действуя как единый организм — или как куклы в руках искусного кукловода. Один, второй, третий — парень рубил их, но на место каждого павшего тут же вставал другой, а Алиса всё так же парила в воздухе, улыбалась и дирижировала своим живым щитом, едва заметно шевеля пальцами.

— Моя способность, — пропела она, явно наслаждаясь происходящим и ничуть не беспокоясь о том, что её секрет узнают, — называется «Абсолютное Очарование». Очень простая и очень милая, как и я сама. Любой, кто сочтёт меня милой и очаровательной, попадает под мой контроль. А знаешь, сколько людей считают меня милой? — Она хихикнула, и в этом хихиканье прозвучало что-то невыразимо гнусное. — Практически все. Все, кто видит эту оболочку, этот образ. Кроме, пожалуй, совсем уж безнадёжных циников... и таких, как ты.

Её лицо исказилось на мгновение — гневная, злобная гримаса промелькнула и исчезла, сменившись прежней ангельской улыбкой. Но Мита успела увидеть — под маской скрывалось что-то уродливое, древнее, голодное.

— Ты даже не смотришь на меня по-настоящему. Ты смотришь сквозь. Как будто я пустое место. Это раздражает. Очень-очень раздражает! Ты должен был уже быть моим! Ты должен был найти меня очаровательной! Почему ты не находишь меня очаровательной?!

Парень не ответил. Он продолжал двигаться, уклоняясь от атак управляемых адептов и вырезая их одного за другим. Но Мита видела — его темп замедляется. Он был быстр — невероятно, сверхъестественно быстр, — но не бесконечен. Каждое движение требовало энергии, а энергия не бесконечна. Рано или поздно численность и скоординированные атаки марионеток возьмут своё.

И тогда парень сделал нечто неожиданное — то, чего не ожидала ни Алиса, ни сама Мита.

Он развернулся на пятках — резко, молниеносно, — и бросил одну из своих катан. Не в Алису (та была слишком хорошо защищена живым щитом) и не в кого-то из адептов. Катана, вращаясь в воздухе со свистом, полетела через весь зал — сверкающая дуга лунной стали, — и вонзилась прямо в клетку, где сидела Мита.

Она даже не успела испугаться. Лезвие прошло в миллиметре от её лица — она почувствовала кожей холод стали и ветер от её движения, — и с хрустом, с сухим треском магиче-

ского разряда вонзилось в фиолетовый прут. Раздался оглушительный треск, полыхнула ослепительная вспышка — и магический материал, не рассчитанный на удар зачарованной стали, рассыпался, как стекло. Свечение погасло, и Мита почувствовала, как давление, высасывающее её силу, исчезает.

Она была свободна.

Парень тем временем метнулся в сторону, схватил с пояса запасные ножи — теперь у него снова было две катаны, — и одним слитным движением отсек головы ещё двум адептам, которые попытались воспользоваться его momentary отвлечением. Их тела рухнули на пол одновременно, как подкошенные марионетки. Затем он бросил быстрый взгляд на Миту, и в этом взгляде она прочитала чёткий, недвусмысленный приказ: «Уходи. Сейчас.»

— Ах ты!.. — Алиса завизжала, и её милое личико на мгновение превратилось в маску чистейшей, незамутнённой ярости. Глаза вспыхнули алым, рот растянулся, обнажая слишком острые зубы. — Ты испортил мою игрушку! Ты сломал мою клетку! Ты... ты...

Парень не стал ждать продолжения тирады. Он метнулся в сторону и исчез в тёмном проёме — вентиляционной шахте или техническом ходе, ведущем куда-то вглубь заводского комплекса. Растворился в тенях так же быстро, как появился. Алиса закричала от злости — пронзительный, нечеловеческий вопль, от которого зазвенели стёкла в уцелевших окнах, — и её куклы-адепты, все до единого, бросились в погоню за невидимым врагом.

О Мите на мгновение забыли.

Этого мгновения ей хватило.

Кандалы всё ещё висели на запястьях и лодыжках — тяжёлые, холодные, давящие, — но блокировка способностей была разрушена вместе с клеткой. Мита чувствовала, как магия — её проклятая, украденная, ненавистная магия — снова течёт по жилам, наполняя тело силой. Регенерация, подавленная оковами, заработала с утроенной скоростью: раны, полученные в бою и не зажившие из-за блокировки, начали закрываться прямо на глазах. Мышцы наливались энергией. Слабость отступала, словно отлив, оставляя после себя чистую, холодную решимость.

Она вырвала кандалы из разбитых прутьев — те всё ещё звенели цепями, но больше не сковывали движений. А затем, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, побежала. Туда, куда не побежали адепты. Туда, где была темнота и неизвестность. Туда, где, возможно, было спасение.

Бежать в кандалах было неудобно — цепи гремели при каждом шаге, звон разносился по коридорам, и Мита мысленно проклинала всё на свете, включая собственную глупость. Она не знала, куда бежит. Она не знала план здания. Она знала только одно — нужно убираться отсюда, пока о ней снова не вспомнили. Пока Алиса не закончила истерику и не отправила своих кукол на поиски сбежавшей пленницы.

Коридоры сменялись лестницами, лестницы — новыми коридорами, одинаковыми, как в лабиринте. Стены из серого камня, тусклые лампы под потолком, запах сырости и ритуальных благовоний. Где-то позади слышались крики и звон стали — судя по всему, парень с катанами всё ещё развлекал преследователей, давая Мите время уйти. Пару раз она наткнулась на одиночных адептов — видимо, тех, кого не успели «завербовать» в отряд смертников и кто теперь в панике метался по коридорам, не понимая, что происходит. Эти были растеряны, дезориентированы, не ожидали нападения. Мита убила двоих — быстро, почти неосознанно, голыми руками, даже не замедляя шага. Удар в горло. Захват шеи с поворотом. Тела упали, она побежала дальше. Она не сказала «простите». Сейчас было не до этого. Сейчас на кону стояло её выживание.

Она бежала вверх, инстинктивно выбирая путь к поверхности. Тело работало на автопилоте, ведомое единственным желанием — выбраться. Увидеть небо. Вдохнуть свежий воздух. Почувствовать ветер на лице. Услышать звуки города вместо этого бесконечного, монотонного гула ритуальных песнопений.

Лестница привела к тяжёлой металлической двери. Мита навалилась на неё плечом — мышцы закричали от боли, — и дверь с протестующим скрипом, с визгом ржавых петель распахнулась.

Крыша.

Холодный ночной воздух ударил в лицо, как пощёчина, и Мита жадно вдохнула его, чувствуя, как лёгкие наполняются жизнью. Воздух был холодным, колючим, пах дождём и дымом далёких заводов, но для неё он был слаще любых благовоний. Она сделала несколько нетвёрдых шагов и остановилась, оглядываясь.

Заводской комплекс раскинулся внизу — лабиринт ржавых конструкций, труб, цистерн и цехов, залитый бледным лунным светом. Где-то вдалеке мерцали огни Токио — тысячи, миллионы огней, — напоминая о том, что за пределами этого кошмара существует нормальный мир. Мир, в котором она когда-то жила. Мир, в котором люди ходят на работу, влюбляются, смотрят фильмы, едят мороженое в парках. Мир, в который она никогда не сможет вернуться. — Стой, — раздался голос за спиной.

Мита резко обернулась, принимая боевую стойку. Руки сами сжались в кулаки, хотя против такого противника это было смешно — всё равно что пытаться остановить танк голыми руками.

Парень с катанами стоял у края крыши, в нескольких метрах от неё, балансируя на самом парапете. Он выглядел уставшим — на тёмной рубашке виднелись пятна крови, но трудно было сказать, его это кровь или чужая (скорее всего, и то, и другое). Дыхание было тяжёлым, грудь вздымалась и опускалась, но клинки в его руках всё так же сверкали в лунном свете, а взгляд оставался холодным и спокойным. Смертельно спокойным.

— Ты кто? — выдохнула Мита, всё ещё не опуская кулаков. Она чувствовала, как силы постепенно возвращаются, регенерация работает, но понимала, что в бою против этого человека у неё нет ни единого шанса. Он двигался быстрее, чем она могла уследить. Он вырезал пятьдесят адептов в одиночку, играючи, как будто это была разминка. Если он захочет её убить — она умрёт. Снова. И на этот раз рядом нет никого, чью жизнь можно было бы украсть для воскрешения.

Парень посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Таким же, как тогда, на заводе, перед засадой. Таким же, как в ритуальном зале, когда он разрубил её клетку. Казалось, он смотрит не на неё, а внутрь неё — в самую душу, в самые тёмные уголки сознания.

— Твоё имя — Мита Анами, — сказал он наконец. Это был не вопрос. — Возраст — восемнадцать лет. Девочка-волшебница «Серебряного Ковена», оперативная группа Сакуи. Способность — условное бессмертие, активируемое ценой чужой жизни. Пробуждение два года назад, в сентябре. Ты убила свою сестру, Юну Анами, при активации способности. Завербована Сакуей немедленно после пробуждения. С тех пор выполнила сорок семь миссий, ликвидировала восемьдесят три цели.

Каждое слово падало, словно удар молота, точный и безжалостный. Мита вздрогнула. Откуда он знает? Эта информация была секретной, доступной только членам «Ковена» с высшим уровнем допуска. Даже она сама не знала точного числа своих жертв — перестала считать после первых двух десятков.

— Откуда ты...

— Я должен убить тебя, — продолжил он ровным голосом, без тени угрозы или сожаления, словно констатировал погоду. — Ты — девочка-волшебница. Этого достаточно. Я убиваю волшебниц. Это моя работа. Моя миссия. Моя цель.

В его ладони блеснула катана, чуть приподнявшись. Лунный свет пробежал по лезвию, и Мита увидела на нём капли крови — ещё не успевшие высохнуть. Она напряглась, готовая драться до последнего, даже зная, что это бесполезно. Если суждено умереть здесь — она умрёт сражаясь.

— Но не сегодня, — закончил он, медленно опуская клинок.

Повисла пауза. Ветер трепал волосы Миты, бросая алые пряди на лицо, щекоча щёки. Парень смотрел на неё, и в его пустых глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на... что? Расчёт? Понимание? Сочувствие? Или, может быть, просто тень давнего воспоминания?

— Моя главная цель сейчас — Алиса, — сказал он, отворачиваясь и глядя на луну. — Она лидер «Багрового Круга». Я шёл за ней три месяца. Выслеживал, собирал информацию, ждал удобного момента. Изучал её привычки, её слабости, её маршруты. Она очень осторожна — почти не покидает своих убежищ, всегда окружена марионетками. Но сегодня, благодаря тебе, она совершила ошибку. Твоё появление спутало мои первоначальные планы, но в итоге помогло — она высунулась из своей норы, чтобы лично посмотреть на пленённую волшебницу с редкой способностью. Алиса обожает редкие экземпляры. Она коллекционирует их. Я не мог упустить такой шанс.

— Так ты использовал меня как приманку, — в голосе Миты прозвучала горечь, смешанная с усталостью. Она опустила кулаки — теперь это было уже неважно. — Ты знал о засаде. Ты был там, на заводе. Ты видел, как меня хватали. И ничего не сделал. Ты позволил им пытаться, посадить в клетку, высасывать силы. Ты просто смотрел.

— Да, — ответил он просто, без тени смущения или раскаяния. — Ты была приманкой. И это сработало. Алиса вышла на свет. Я убил несколько десятков её адептов, включая одного из старших жрецов. И я узнал больше о её способностях для следующей встречи. С tactical точки зрения, операция прошла успешно.

Он говорил об этом так буднично, словно речь шла не о человеческой жизни, а о шахматной партии. Мита почувствовала, как внутри закипает гнев пополам с отвращением.

— А если бы они меня убили? — спросила она.

— Ты бессмертна, — напомнил он. — Ты бы воскресла.

— Ты понимаешь, чего мне стоит каждое воскрешение? — её голос дрогнул. — Ты понимаешь, что каждый раз, когда я умираю, умирает кто-то другой?

— Понимаю, — сказал он, и впервые в его голосе прозвучало что-то похожее на эмоцию. — Но на войне все средства хороши. А это война, Мита Анами. Даже если ты ещё не до конца это осознала.

Он подошёл к краю крыши и посмотрел вниз. Где-то в здании всё ещё горел свет и слышались отдалённые крики — Алиса собирала своих кукол, чтобы организовать погоню. Но было уже поздно — её добыча ушла, и она это знала.

— Алиса сильна, — произнёс он задумчиво, почти разговаривая сам с собой. — Не физически — физически она слабее любого из своих адептов. Она не может сражаться в открытом бою и всегда прячется за спинами своих марионеток. Но её способность делает её практически неприкосновенной. Пока рядом есть те, кто считает её милой и очаровательной, она может использовать их как живой щит. А милой её считают почти все — её внешность специально создана для этого. Она — идеальный хищник, маскирующийся под беззащитную жертву.

— Но не ты, — сказала Мита, вспоминая сцену в ритуальном зале. — Ты не считаешь её милой.

— Не я, — подтвердил он. — Я не считаю её милой. Я вообще ничего не считаю милым. Давно разучился. Поэтому я — единственный, кто может подобраться к ней достаточно близко, чтобы убить. Её способность против меня бесполезна.

Он замолчал, глядя на луну. Молчание длилось долго — может быть, минуту, может быть, две. Мита не решалась его нарушить.

— Я найду её, — сказал он наконец. — И убью. Сегодня не получилось — слишком много кукол, она успела скрыться, пока я прорубался через них. Но я найду её снова. Через неделю. Через месяц. Через год. Моя охота не прекратится, пока она дышит. Пока бьётся её чёрное сердце. Пока она способна причинять боль.

— Почему ты рассказываешь это мне? — спросила Мита. — Зачем делиться планами с той, кого ты «должен убить»?

— Потому что ты спросила, — ответил он просто. — И потому что... ты не такая, как они. Я вижу это. Ты всё ещё говоришь «простите» после каждого удара. Я слышал. Ты не убиваешь ради удовольствия. Ты не наслаждаешься своей силой. Ты — жертва, а не преступница. Как и я когда-то.

Он повернулся к ней в последний раз, и Мита снова увидела этот взгляд — холодный, спокойный, лишённый человеческих эмоций, но в самой глубине которого тлел уголёк чего-то тёплого. Чего-то, что ещё не до конца умерло.

— Беги, Мита Анами. Беги в свои трущобы, в свой «Ковен», к своим мнимым союзникам. Залечивай раны. Набирайся сил. Думай своей головой. Задавай вопросы, которых ты раньше боялась задавать. Мы ещё встретимся. И когда это произойдёт — возможно, я исполню то, что должен. А возможно — нет. Это будет зависеть от тебя.

Он прыгнул.

Без разбега, без колебаний, без единого звука — просто шагнул с края крыши и исчез в темноте, как будто его никогда и не было. Только плащ мелькнул на фоне луны и пропал.

Мита бросилась к парапету, перегнулась через край, вглядываясь вниз — но там уже никого не было. Только лунный свет играл на ржавых конструкциях завода, и где-то вдалеке затихали крики. Парень с катанами исчез так же загадочно, как и появился, оставив после себя горы трупов, разрушенный ритуальный зал и множество вопросов, на которые у Миты не было ответов.

Она осталась одна на крыше — в рваной, окровавленной одежде, с кандалами на руках и ногах, с пульсирующей болью во всём теле и полным хаосом в голове.

Парень с катанами. Убийца девочек-волшебниц. «Настоящий убийца» — так, кажется, назвала его Котори? Или это было в каком-то из старых отчётов? Он убил пятьдесят адептов играючи. Он смотрел на Миту как на цель — но почему-то оставил в живых. Почему? Потому что спешил за Алисой? Или была другая причина? Что он имел в виду, когда сказал «ты не такая, как они»? И откуда он знает о ней всё — включая такие детали, о которых не знали даже в «Ковене»?

Вопросы множились, как кролики, но сейчас у Миты не было на них времени. Где-то в здании всё ещё оставались адепты, и рано или поздно они организуются и начнут прочёсывать территорию. Нужно уходить. Нужно найти укрытие. Нужно... нужно столько всего.

Она нашла пожарную лестницу — ржавую, скрипучую, но вполне функциональную — и спустилась по ней, преодолевая боль в израненных, покрытых синяками руках. Каждый шаг отдавался в рёбрах тупой болью, но она стиснула зубы и продолжала спускаться, пока не почувствовала под ногами твёрдую землю. Внизу её встретили тёмные, грязные переулки промышленного района — лабиринт из ржавых контейнеров, осыпающихся стен и мусорных куч. Трущобы — именно так назвал это место парень с катанами. И он был прав. Здесь, среди грязи и запустения, можно было затеряться, исчезнуть, стать невидимкой.

Мита шла, прижимаясь к стенам, прячась в тених, вздрагивая от каждого звука. Любой шорох казался шагами преследователей, любая тень — фигурой в красном балахоне. Кандалы она разбила о подвернувшийся камень — била долго, яростно, до крови на запястьях, пока цепи наконец не поддались. Теперь они валялись где-то в грязи, позади, а её запястья были покрыты синяками и ссадинами, которые медленно затягивались. Но это заживёт. Всё заживёт — в этом было её проклятие и её благословение.

Где-то на полпути к границе промышленного района она остановилась, присев за грудой ржавого металлолома. Сердце колотилось как бешеное. В голове крутились обрывки мыслей, обрывки образов, обрывки вопросов.

Сакуя послала её на задание. Разведка доложила о дюжине адептов. Их оказалось пятьдесят — целая армия, — и они ждали её. Засада была подготовлена заранее. Кто-то слил информацию «Багровым». Кто-то в «Ковене» — предатель.

Алиса — лидер «Багрового Круга». Маленькая девочка с лицом ангела и душой чудовища. Способность — контроль через «милоту». Живой щит из людей, которые даже не осознают, что они — марионетки. Её истинная личина — нечто настолько ужасное, что она вынуждена прятаться за маской.

Парень с катанами — убийца волшебниц. Охотится на Алису. Знает о Мите всё, включая то, чего она никому не рассказывала. Двигается быстрее ветра. Убивает без эмоций. Мог убить её, но не стал. Сказал: «Ты не такая, как они». Сказал: «Ты — жертва».

Слишком много информации. Слишком много вопросов. И ни одного ответа.

Мита прижалась спиной к холодному, шершавому металлу и закрыла глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо Юны — такое, каким она его запомнила в последний раз. Живое, тёплое, улыбающееся. «Ты когда-нибудь думала о том, что было бы, если бы у нас были суперспособности?» — спросила она тогда, за несколько минут до смерти. И вот теперь у Миты были суперспособности. Бессмертие. И что? Сделало это её счастливее? Сделало это мир лучше? Или только принесло боль и смерть всем вокруг?

Ей нужно вернуться в «Ковен». Нужно доложить Сакуе о случившемся. Нужно узнать, кто предатель. Нужно понять, что делать дальше.

Но часть её — та самая часть, которая всё ещё была той шестнадцатилетней девочкой, стоявшей у окна в ожидании чего-то страшного, — не хотела возвращаться. Она хотела остаться здесь, в грязных трущобах, и исчезнуть. Раствориться. Стать никем. Забыть о магии, о войне, о смерти. Начать всё заново.

Однако Мита знала, что это невозможно. Она — девочка-волшебница. Она — оружие. Она — бессмертный солдат с проклятой способностью. И пока она дышит, кто-то будет пытаться её использовать. «Серебряный Ковен», «Багровый Круг», парень с катанами — все они видели в ней не человека, а инструмент. Пешку в своей игре. Ресурс, который можно потратить.

Пришло время менять правила.

Мита поднялась на ноги — медленно, преодолевая боль в мышцах. Алые волосы упали на лицо, скрывая выражение боли и решимости. Она посмотрела в сторону, где вдали светились огни Токио, и сделала первый шаг.

Она вернётся. Она найдёт предателя. Она узнает правду о парне с катанами. И когда придёт время — она решит, на чьей она стороне.

Но это будет её решение.

Первое за долгое, очень долгое время.

Глава 4. Новый союзник и старые враги

До базы «Серебряного Ковена» Мита добиралась почти сутки. Почти двадцать четыре часа, наполненных болью, осторожностью и медленным, мучительным продвижением через город, который когда-то был её домом, а теперь казался чужим и враждебным.

Она не могла воспользоваться общественным транспортом — её внешний вид привлёк бы слишком много внимания. Рваная, окровавленная одежда, висящая клочьями на израненном теле. Следы запёкшейся крови на лице и в волосах — своей и чужой. Синяки и ссадины на запястьях, оставленные кандалами. Дикий, загнанный взгляд человека, который провёл несколько дней в аду и вернулся обратно. Любой пассажир автобуса или поезда немедленно вызвал бы полицию — и тогда пришлось бы объяснять то, что невозможно объяснить.

Не могла она и связаться с базой. Телефон остался в обломках того самого грузовика два года назад — мать купила ей новый через месяц после аварии, но Мита так и не стала им пользоваться. Сакуя запрещала личные средства связи, считая, что отследить волшебницу по сигналу смартфона проще простого. Для экстренных случаев существовали магические амулеты — но амулет Миты был разрушен вместе с её одеждой во время засады.

Поэтому она шла пешком.

Через бесконечные промзоны и замусоренные пустыри, где ветер гонял обрывки газет и пластиковые пакеты. Через спальные районы, погружённые в тишину, где в окнах горел свет и жили обычные люди, не подозревающие о том, что творится в тених их мира. Через ночные дворы, пропахшие кошками и сыростью, где приходилось прятаться в тени при малейшем шорохе. Пару раз ей пришлось пережить полицейские патрули — прижиматься к стенам, задерживать дыхание, молиться, чтобы её не заметили. Один раз — самый унижительный — прятаться в мусорном контейнере за супермаркетом, когда мимо проходила компания подвыпивших клерков, отмечавших конец рабочей недели. Они смеялись, хлопали друг друга по плечам, обсуждали планы на выходные — а она сидела среди гниющих отходов, вдыхая запах тухлых овощей и просроченного мяса, и чувствовала себя даже не человеком. Чувствовала себя животным. Загнанным зверем.

Раны, нанесённые адептами и усиленные клеткой-«дренажкой», заживали медленно, куда медленнее обычного. Магическое истощение давало о себе знать: регенерация работала на минимальных оборотах, лишь поддерживая жизнь, но не исцеляя до конца. Организм экономил энергию, направляя её на самые критичные повреждения и оставляя всё остальное на потом. Синяки на запястьях от кандалов — тёмно-фиолетовые, почти чёрные — болели при каждом движении. Рваные раны на боку, полученные во время засады, всё ещё кровоточили, пропитывая остатки одежды. Глубокая царапина через всё лицо — от виска до подбородка — горела огнём. Мита знала: чтобы полностью восстановиться, ей нужна чужая жизнь. Так работал её контракт — только чужая смерть могла запустить полную регенерацию. Но она не была готова платить такую цену. Пока не была. Пока в ней ещё теплилась надежда, что можно выжить иначе.

На рассвете — сером, туманном, пропитанном влагой — она вышла к знакомому району и увидела здание штаб-квартиры. Семь этажей стекла и бетона, кофейня на первом этаже, скупающий охранник за стойкой, читающий газету. Обычный бизнес-центр. Никто из прохожих, спешащих на работу в ранний час, не догадывался, что на верхних этажах этого здания живут и тренируются настоящие девочки-волшебницы. Что где-то там, за магически замаскированными дверями, решаются судьбы сотен людей. Что «консалтинговая фирма» — всего лишь прикрытие для организации, ведущей тайную войну. Или то, что она называла войной.

Мита вошла через служебный вход, прячась от камер наблюдения — её научили это делать в первую же неделю. Поднялась на лифте до пятого этажа, приложила дрожащую ладонь к магической панели. Дверь открылась почти беззвучно, и она шагнула внутрь.

В командном центре горел свет. Их было трое — все те, кто два дня назад отправлял её на задание. Все те, кому она доверяла. Все те, кто мог быть предателем.

Сакуя стояла у голографической карты, которая сейчас была выключена. Она сложила руки на груди и смотрела на вошедшую Миту с выражением холодного, расчётливого недовольства. Её змеиные зрачки сузились до тонких щелей. Синий боевой костюм сидел идеально, волосок к волоску — как всегда, как будто она только что сошла с обложки журнала о боевой магии, а не провела бессонную ночь.

Рядом с ней, в своём излюбленном кресле, развалилась Котори — её кислотно-зелёное платье переливалось в свете ламп, а на лице играла предвкушающая улыбка гиены, почуявшей раненую добычу. Она держала в руке чашку с чаем — или с чем-то, что выглядело как чай, но почти наверняка было отравлено, — и с явным удовольствием разглядывала измученный вид Миты.

И только Нанами — Серебряная Девочка-Волшебница — поднялась со своего места, едва увидев Миту. Её яблоко, недоеденное, упало на пол и покатилося под стол. В глазах Нанами, обычно пустых и спокойных, мелькнуло что-то похожее на облегчение — быстрое, едва заметное, но искреннее. Или на жалость. Или на то и другое сразу. Она сделала полшага вперёд, но остановилась, словно вспомнив о чём-то.

— Явилась, — голос Сакуи прозвучал сухо, как треск сучьев под ногами, как выстрел в тишине. — Мы уже начали думать, что ты сдохла. По-настоящему сдохла, я имею в виду. Без воскрешения.

— Я... — Мита открыла рот, но слова застревали в пересохшем горле. Ей нужно было столько всего рассказать. Про пятьдесят адептов вместо дюжины. Про засаду. Про клетку, высасывающую силу. Про Алису и её живых кукол. Про парня с катанами, который вырезал полсотни человек играючи. Но слова путались, мысли разбегались, и она просто стояла, как провинившаяся школьница.

— Молчать.

Сакуя сделала шаг вперёд, и Мита инстинктивно сжалась. Она слишком хорошо знала этот тон — он не предвещал ничего хорошего. Так Сакуя разговаривала с провинившимися новичками перед тем, как отправить их на «воспитательную тренировку», после которой они неделю не могли встать с кровати.

— Ты провалила задание, Анами. Полный, абсолютный провал. Ты должна была зачистить склад с дюжиной адептов — простейшая миссия, с которой справился бы любой стажёр. Вместо этого ты пропала на двое суток, возвращаешься в рванине, и от тебя разит магией «Багрового Круга» за километр. Каждый, у кого есть магическое зрение, видит на тебе следы их ритуалов. — Сакуя обошла Миту по кругу, как акула, почуявшая кровь. Её каблуки стучали по полу размеренно, как метроном. — Докладывай. Быстро. Чётко. Без соплей и без фантазий. Только факты.

Мита попыталась. Она рассказала о засаде, о том, что адептов было в несколько раз больше, чем сообщила разведка. О магических оковах, блокирующих способности. О клетке — той самой «Дренажной», — которая вытягивала энергию. О жреце, который обещал ей вечность в качестве источника силы. Голос её звучал хрипло и сбивчиво — она сама слышала, как жалко и неубедительно это звучит со стороны. Но каждое слово было правдой.

Когда она дошла до парня с катанами — до того, как он появился из ниоткуда и начал вырезать адептов одного за другим, — Сакуя резко вскинула руку, приказывая замолчать.

— Парень? — переспросила она, и в её голосе впервые за всё время прозвучало что-то кроме холодного презрения. Что-то похожее на... беспокойство? — С двумя катанами? Двигается быстрее ветра? В тёмном плаще?

— Да. Он сказал, что убивает волшебниц. Он охотится на Алису, но...

— И ты ему поверила? — Котори расхохоталась, и её смех эхом разнёсся по командному центру, отражаясь от стен. — Ой, не могу! Анами, ты совсем головой повредилась в своей клетке? Парень, который убивает волшебниц, нападает на «Багровый Круг», спасает тебя и мило беседует с тобой на крыше? Это же откровенный бред! Ты либо бессовестно врёшь, чтобы оправдать свой провал, либо у тебя галлюцинации от истощения, либо ты настолько глупа, что поверила вражеской пропаганде!

— Это не бред! — Мита сжала кулаки, чувствуя, как гнев придаёт ей сил. — Он реален! Я видела его собственными глазами! Он убил пятьдесят адептов за считанные минуты — я считала, я видела это! Он...

— Пятьдесят адептов? — перебила Сакуя ледяным тоном. — В одиночку? Ты хочешь сказать, что какой-то парень — без магии, потому что магии у мужчин быть не может, это физиологически невозможно, это доказано десятилетиями исследований, — вырезал пятьдесят тренированных адептов быстрее, чем ты моргаешь? Анами, это звучит как самая жалкая, самая неуклюжая ложь, которую я слышала за всю свою карьеру. А я слышала много лжи.

— Но я...

— Знаешь, что я думаю? — Сакуя подошла вплотную, и Мита почувствовала знакомый запах пороха и озона, исходящий от её формы. Её змеиные глаза смотрели в упор, не мигая. — Ты просто трусила. Столкнулась с серьёзным сопротивлением, испугалась, провалила миссию и придумала красивую сказку про таинственного спасителя, чтобы оправдаться. Но правда в том, что ты — бесполезный солдат, который не справился с элементарным заданием. Ты — позор для «Ковена».

Она замахнулась — и ударила.

Первый удар пришёлся Мите в лицо — хлесткий, унижительный, поставленный. Не магический, просто физический — но от этого не менее болезненный. Голова дёрнулась в сторону, из разбитой губы брызнула кровь, заливая подбородок. Перед глазами заплескали искры. Мита пошатнулась, но устояла на ногах — гордость не позволила упасть.

Второй удар — в живот, под дых. Воздух со свистом вырвался из лёгких. Мита согнулась пополам, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Это, — сказала Сакуя, — за провал. А это...

Третий удар — ногой, под колено, резкий и точный. Сустав хрустнул, и Мита, не удержавшись, рухнула на пол, больно ударившись локтем о бетон. Перед глазами всё поплыло.

— ...за ложь.

— Какая трогательная сцена, — пропела Котори, поднимаясь с кресла с грацией сытой хищницы. Она поставила чашку на подлокотник и медленно, вразвалочку подошла ближе. Мита увидела, как её пальцы начинают светиться ядовито-зелёным — она призывала свой дар. Совсем чуть-чуть. Не смертельную дозу. Но мучительную. Очень мучительную. — Сакуя, ты слишком добра к ней. Она нас подвела. Она провалила миссию, потеряла снаряжение и притащила за собой хвост. А знаешь, что бывает с теми, кто нас подводит? Кто ставит под угрозу всю группу?

Котори присела рядом с Митой — легко, грациозно, как балерина, — и провела пальцем по её щеке. Прикосновение было почти нежным, почти ласковым. Но в следующую секунду кожу обожгло, словно приложили раскалённое железо. По лицу побежала сеть зеленоватых прожилок — яд проникал в кровь, в мышцы, в нервы. Мита закричала — громко, отчаянно, — потому что это была не та боль, к которой можно привыкнуть. Это был яд-пытка, специально

созданный для того, чтобы заставить нервные окончания посылать в мозг непрерывные, ни на секунду не прекращающиеся сигналы боли.

— Тише, тише, — прошептала Котори, наслаждаясь моментом. Её глаза — ярко-изумрудные, с вертикальными зрачками — светились от удовольствия. — Боль пройдёт. Минут через двадцать. Или через час. Или через два — смотри как повезёт и как быстро твоя регенерация справится. А пока ты тут валяешься, подумай над своим поведением. Подумай, как ты нас подвела. Подумай, что будет в следующий раз, если ты снова провалишь задание.

Сакуя стояла рядом, не вмешиваясь. Её змеиные глаза смотрели на корчащуюся от боли Миту без всякого выражения — ни гнева, ни жалости, ни удовлетворения. Как на сломанный инструмент, который пытаются починить, но уже прикидывают, не проще ли выбросить и заменить новым.

И только Нанами не двигалась с места. Она стояла у стены, сжимая в руке недоеденное яблоко с такой силой, что сок тёк по пальцам и капал на пол. Её лицо — обычно бесстрастное, как стальная маска — оставалось спокойным. Но в глазах — в этих глубоких, серебристых глазах, которые Мита так хорошо изучила за два года, — горела холодная, беспомощная, отчаянная ярость. Ярость человека, который хочет вмешаться, но не может. Которого что-то держит — страх, долг, приказ, бессилие. Мита видела это. Видела, как мышцы на лице Нанами напряглись, как она прикусила губу до крови, как её пальцы, сжимавшие яблоко, побелели.

«Скажи что-нибудь. Сделай что-нибудь. Останови их. Пожалуйста.»

Но Нанами молчала. Как всегда. Только нож на поясе едва заметно завибрировал — сталь отозвалась на эмоции хозяйки.

Котори уже занесла руку для новой порции яда — на этот раз более сильного, — когда произошло нечто, чего никто не ожидал.

Потолок взорвался.

В буквальном смысле слова. Огромный кусок бетона и арматуры — весом, наверное, в несколько сотен килограммов — рухнул в центр командного центра, подняв облако пыли и щебня. Лампы замигали и погасли, голографическая карта исчезла с протестующим треском. Посыпались искры от повреждённой проводки. Где-то завывала сирена аварийной сигнализации. А сквозь пролом, в облаке пыли и летящих обломков, в комнату спрыгнула тёмная фигура.

Приземлилась легко, почти беззвучно — на обе ноги, слегка согнув колени, амортизируя падение. Плащ развевался за спиной, как крылья гигантской летучей мыши. Катаны в обеих руках сияли лунной синевой, и от одного их вида у Миты — даже сквозь боль от яда — кровь застыла в жилах.

Он. Тот самый парень. Тот, кто спас её — или использовал, — в ритуальном зале. Тот, кто назвал её «не такой, как они».

Парень с катанами выпрямился во весь рост. Его тёмные волосы были растрёпаны и припорошены бетонной пылью. На лице застыло выражение, которого Мита не видела раньше — ни на заводе, ни в ритуальном зале. Дикое. Экстатичное. Почти безумное. Глаза горели холодным, нечеловеческим огнём — не фанатичным, как у адептов, а каким-то более глубоким, более личным, более страшным пламенем. Пламенем человека, который ждал этого момента много лет.

А потом он закричал. И от этого крика, казалось, задрожали стены.

— КАК ДООООЛГО Я ЖДАЛ ЭТОГО МОМЕНТААА!

Голос его разнёсся по разрушенному командному центру, отражаясь от стен, проникая в каждую щель, заставляя вибрировать стёкла. В нём звенела ярость, накопленная за долгое-долгое время — за годы, проведённые в подготовке, в ожидании, в бесконечной охоте. Ярость, которая копилась, как вода за плотиной, и теперь наконец прорвалась наружу, сметая всё на своём пути.

— А ТЕПЕРЬ, — он сделал шаг вперёд, и его катаны описали в воздухе сверкающую дугу, оставляя за собой призрачный след, — МОЯ ЛЮБИИИИМАЯ ЧАСТЬ! УБИЙСТВО ВОЛШЕБНИЦ!

— Он существует... — прошептала Сакуя, отступая на шаг. Впервые за два года Мита увидела в её глазах что-то похожее на страх. Настоящий, неприкрытый страх. — Это не миф. Это правда.

— Это он! — завизжала Котори, отскакивая от Миты и чуть не опрокинув кресло. Её зелёное платье вспыхнуло ярче — она активировала все защитные ядовитые барьеры разом, окутывая себя облаком смертоносных испарений. — Это тот самый Охотник! Я думала, это сказка! Байка для новеньких, чтобы не расслаблялись! Я думала, его не существует!

Нанами, единственная, не выглядела удивлённой. Она молча выбросила вперёд руку, и стальные нити, скрытые в стенах комнаты — часть её защитной системы, которую она создавала годами, — пришли в движение. С тихим звоном они начали формировать защитный купол вокруг неё и... вокруг Миты? Да, Мита заметила — несколько нитей скользнули к ней, создавая дополнительный барьер. Но Нанами не атаковала. Пока не атаковала. Она ждала.

— Охотник? — переспросила Мита, всё ещё лёжа на полу и пытаясь справиться с остатками яда в крови. Зелёные прожилки на лице медленно бледнели — регенерация делала своё дело.

— Не просто Охотник! — Котори отступала к дальней стене, и её голос срывался на фальцет. Она была напугана — по-настоящему напугана, возможно, впервые в жизни. — Он не из кланов, он не наёмник, он вообще не часть войны! Он... он убивает волшебниц ради мести! Я слышала слухи — несколько лет назад кто-то начал истреблять наших. Сначала одинокие волшебницы, потом мелкие группы, потом целые отряды. Ковен терял бойцов одного за другим — опытных, сильных, тех, кого, казалось, невозможно убить. Говорили, что это одиночка. Говорили, что он парень. Говорили, что у него сила волшебницы. Но это невозможно! Мужчины не могут быть волшебницами! Это противоречит всем законам магии!

Парень с катанами — Охотник — повернул голову в сторону Котори. Его губы растянулись в жуткой, совершенно нечеловеческой улыбке, больше похожей на оскал.

— Невозможно? — переспросил он тихо, почти нежно, почти ласково. — Ты думаешь, это невозможно, зелёная?

Он исчез.

Никакого перехода, никакого предупреждения, никакой вспышки или звука. Только что он стоял в центре разрушенного зала — и вдруг оказался прямо перед Котори, лицом к лицу, на расстоянии вытянутой руки. Она даже не успела вскрикнуть — только рот открыла, и ядовитое облако вокруг неё даже не шелохнулось.

— Я — доказательство того, что ваша «невозможность» — ложь, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза. Его голос был тихим, но каждое слово звучало отчётливо, как приговор. — Я искусственно получил силу девочки-волшебницы. Да, я парень. И да, это работает. Моя способность — скорость. Абсолютная, запредельная, выходящая за рамки человеческой физики, за рамки здравого смысла, за рамки того, что вы считаете возможным. Я двигаюсь быстрее, чем ты думаешь. Быстрее, чем ты чувствуешь. Быстрее, чем ты умираешь.

Котори попыталась выбросить вперёд руку с ядовитым облаком — рефлекторно, отчаянно, из последней надежды. Но катана уже пронзила её грудь. Навылет. Одно слитное, молниеносное движение, которое человеческий глаз просто не мог зафиксировать. Клинок вошёл точно в сердце — ни миллиметром левее, ни миллиметром правее. Идеальный удар. Хирургическая точность.

— А теперь, — сказал он, выдёргивая клинок с влажным, тошнотворным звуком, — ты ничего не чувствуешь.

Котори посмотрела вниз, на рану в своей груди. На кровь — тёмно-красную, почти чёрную в тусклом свете, — растекающуюся по зелёному платью и капающую на бетонный пол. На свои собственные пальцы, которые всё ещё светились ядом, но уже не могли причинить никому вреда. Её губы дрогнули — то ли от удивления, то ли от боли, то ли от запоздалого осознания того, что она только что проиграла. Она открыла рот, словно хотела что-то сказать — возможно, проклятие, возможно, мольбу о пощаде, возможно, просто крик.

— Подожди... — прошептала она, и в её голосе — впервые за всё время, что Мита её знала, — прозвучала неуверенность. — Этого не... может...

Она рухнула на пол, не договорив. Её тело дёрнулось раз, другой — и замерло навсегда. Зелёное свечение вокруг пальцев погасло, как задутая свеча. Кислотно-зелёное платье потемнело, впитывая кровь, и стало почти чёрным. Глаза — изумрудные, с вертикальными зрачками — остекленели и смотрели в потолок, ничего не видя.

Котори, Девочка-Волшебница Яда, та, что мучила Миту последние два года своими насмешками, издёвками и ядовитыми прикосновениями, та, что только что с наслаждением пыталась её самым болезненным из своих токсинов, была мертва. Убита одним ударом, на который ушло не больше секунды. Как ничтожная пешка, которую смахнули с доски. Как все её бесчисленные жертвы.

В комнате повисла абсолютная, звенящая тишина. Даже пыль, поднятая обрушением потолка, казалось, застыла в воздухе, боясь потревожить этот момент.

Сакуя побледнела как полотно — её лицо стало белее снега. Рука дёрнулась к поясу, и в воздухе начала формироваться магическая винтовка — крупнокалиберная, сверкающая синими искрами. Но медленно. Слишком медленно. Сакуя привыкла быть самым быстрым стрелком в любой перестрелке, но сейчас она впервые в жизни столкнулась с противником, который был быстрее неё. Намного быстрее.

Охотник повернулся к ней. Кровь Котори — ещё тёплая — стекала с лезвия его катаны, капая на бетонный пол. Кап. Кап. Кап. Этот звук был громче любого крика.

— Следующая, — произнёс он будничным тоном, словно перечислял пункты в списке покупок. — Сакуя, командир оперативной группы «Серебряного Ковена». Способность — создание огнестрельного оружия из магической энергии. Одна из сильнейших боевых волшебниц западного региона. Ты убила тридцать семь девочек-волшебниц за время своей карьеры. Двадцать из них — чужие, вражеские, это понятно, это война. Но семнадцать — свои. Те, что пытались дезертировать. Те, что отказывались выполнять приказы. Те, что задавали слишком много вопросов. Ты казнила их лично, без суда и следствия, и списывала на «боевые потери».

Сакуя замерла с полуоформленной винтовкой в руках. Откуда он знает? Эта информация была строжайше засекречена, доступна только высшему командованию и лично ей. Даже Нанами не знала точных цифр.

— Откуда... — начала она, но голос предательски дрогнул.

— Я долго готовился, — перебил её Охотник. — Я знаю о каждой из вас всё. Ваши способности, ваши жертвы, ваши преступления. Каждое имя, каждую дату, каждое место. Я ждал этого момента три года — с тех пор, как научился контролировать свою силу и понял, что могу не просто мстить, а уничтожить систему. Три года я отслеживал вас, собирал информацию по крупнякам, ждал удобного случая. И вот он настал.

Он сделал шаг к Сакуе, и та рефлекторно создала в руке пистолет — крупнокалиберный револьвер, светящийся магической энергией, способный пробить любую защиту. Но выстрелить не успела. Катана — быстрее, чем мысль, быстрее, чем рефлекс, — выбила оружие из её рук, разрубив ствол пополам. Вторая катана замерла в миллиметре от её горла — так близко, что Сакуя чувствовала холод стали кожей.

— Но сначала, — произнёс Охотник, и его голос изменился, стал чуть мягче, — я должен кое-что сделать.

Он повернул голову и посмотрел на Миту. Она всё ещё лежала на полу, пытаясь прийти в себя после пытки. Их взгляды встретились, и в этот раз в его глазах было не холодное любопытство и не боевой расчёт, а странное, почти человеческое выражение. Что-то среднее между сочувствием, пониманием и... надеждой?

— Мита Анами, — произнёс он, и в голосе его прозвучало что-то новое, чего Мита не слышала раньше. Не ярость. Не угроза. Скорее, сочувствие — глубокое и искреннее. — Я знаю, что ты здесь не по своей воле. Я знаю, как они тебя завербовали — в день твоего Пробуждения, когда ты была сломлена, напугана и раздавлена виной. Я знаю про твою сестру, Юну. Про аварию. Про контракт, который ты не подписывала и не выбирала. Про то, что ты чувствуешь себя убийцей, хотя на самом деле ты — жертва.

Мита замерла. Слова Охотника били прямо в цель, вскрывая старые, незаживающие раны, которые она прятала глубоко внутри. Откуда он мог знать про Юну? Она не рассказывала об этом никому — даже Нанами знала только общие факты.

— Ты не такая, как они, — продолжил он, не отводя взгляда. — Ты не убиваешь ради удовольствия. Ты не наслаждаешься своей силой. Ты не играешь чужими жизнями, как шахматными фигурами. Ты всё ещё говоришь «простите» после каждого удара — я слышал это собственными ушами, на заводе, когда ты зачищала посты. Ты всё ещё помнишь лицо своей сестры. Ты всё ещё чувствуешь боль, вину и ответственность. Это делает тебя человеком. Это делает тебя лучше их.

— Ты... ты следил за мной? — прошептала Мита, и её голос дрогнул.

— Да. Две недели. С того самого дня, как впервые увидел тебя в бою. Я наблюдал за тобой, изучал тебя, пытался понять, кто ты. И я увидел достаточно. Ты — жертва, а не преступница. Ты — такая же, как я когда-то. Поэтому ты всё ещё жива. Пока.

Он отвернулся от неё и снова посмотрел на Сакую, которая использовала этот краткий миг, чтобы создать в руке маленький пистолет — последнюю, отчаянную попытку. Но Охотник заметил это движение. Его катана качнулась — и пистолет разлетелся на куски, даже не успев оформиться до конца.

— А теперь беги, — сказал он. — Все вы. Бегите. Сегодня я убил только одну — ту, что заслуживала смерти больше прочих. Но это только начало. Я буду приходить за вами снова и снова. Пока «Серебряный Ковен» не перестанет существовать. Пока каждая волшебница, запятнавшая себя кровью невинных, не ответит за свои преступления. Это не угроза. Это обещание.

Сакуя не стала ждать второго приглашения. Она метнулась к стене, ударила по скрытой панели — открылся запасной выход, о существовании которого Мита даже не подозревала, несмотря на два года службы. Узкий тёмный коридор, уходящий куда-то вглубь здания. Сакуя нырнула в него, даже не оглянувшись на свою павшую подчинённую, и через секунду исчезла в темноте. Только эхо её шагов ещё несколько мгновений раздавалось в тишине.

Нанами колебалась. Её стальной купол всё ещё висел в воздухе, готовый защитить её от любого удара. Она смотрела то на Охотника, то на Миту, и в её серебристых глазах шла напряжённая внутренняя борьба — такая явная, какой Мита никогда у неё не видела. А потом она бросилась к Мите — не к выходу, не к спасению, а к ней. Подхватила её под руки, помогла встать. Движения были быстрыми, но нежными. Её рука скользнула в карман рваного боевого костюма Миты, оставляя что-то маленькое, твёрдое и тёплое. Яблочное семечко — но не обычное. Оно светилось тусклым серебристым светом, пульсирующим в такт с сердцебиением Нанами.

А потом Мита услышала голос — прямо у себя в голове, тихий, как шёпот ветра, но отчётливый:

«Беги в другую сторону. Не за мной. Потом активируешь семечко — сожми его в кулаке и подумай обо мне. Я найду тебя. Я всё объясню. Прости, что не могла помочь раньше. Прости за всё.»

Мита потрясённо смотрела на Нанами. Она... она могла говорить? Всё это время? Но прежде чем она успела что-то сказать, Нанами исчезла в том же проёме, что и Сакуя. Только стальной купол рухнул на пол с оглушительным звоном, рассыпаясь на тысячи крошечных игл.

Мита осталась одна. В разрушенном командном центре, среди обломков бетона и иско-рёженной мебели. Рядом с трупом Котори, над которым уже начала собираться лужа крови. Напротив неё стоял Охотник, и его катаны всё ещё были обнажены, но теперь он держал их расслабленно, опустив к полу.

— Ты тоже можешь бежать, — сказал он, не глядя на неё. — Пока я не передумал. У тебя есть шанс начать всё заново. Не упусти его.

Мита не заставила себя ждать.

Она бросилась в другой коридор — не в тот, куда ушли Сакуя и Нанами, а в противоположную сторону. Туда, где, как она знала, был пожарный выход, ведущий на крышу соседнего здания. Ноги несли её сами, инстинктивно выбирая путь к спасению. Яд Котори всё ещё пульсировал в крови, вызывая волны боли при каждом движении, но действие его ослабевало с каждой секундой. Регенерация, хоть и медленная, делала своё дело, вымывая токсины из организма.

Она вырвалась на крышу соседнего здания и, не останавливаясь, побежала дальше — по пожарным лестницам, через переулки, через подворотни. Она петляла по району, как загнанный зверь, запутывая следы, пока не нашла убежище — старый, заброшенный склад на границе промзоны, заваленный пустыми ящиками, ржавым оборудованием и многолетней пылью.

Забившись в самый дальний угол, за груды деревянных поддонов, Мита обхватила колени руками и замерла. Сердце колотилось как сумасшедшее, грозя пробить грудную клетку. Дыхание сбивалось, каждый вдох отдавался болью в повреждённых рёбрах. Но мысли — впервые за долгое время — были пугающе ясными, кристально чистыми, лишёнными привычного тумана сомнений и самообмана.

Охотник.

Он не часть войны. Он вообще не связан с кланами — ни с «Ковеном», ни с «Кругом», ни с каким-либо другим. Он убивает волшебниц из личной мести — мести, которая горит в нём уже много лет и которая даёт ему силы двигаться быстрее ветра. Он получил силу искусственно — парень с магией, что считалось невозможным, что противоречило всем известным законам магии. И он знает о ней всё. Её имя, её способности, её историю, её вину, её боль. Он изучал её две недели — и сделал вывод, что она не заслуживает смерти.

Котори мертва. Та, что два года превращала жизнь Миты в ад своими насмешками, издевательствами и ядовитыми пытками, умерла за одну секунду, не успев даже осознать происходящее. Мита думала, что почувствует радость. Или облегчение. Или хотя бы мрачное удовлетворение от того, что справедливость восторжествовала. Но внутри была только пустота — глубокая, бездонная пустота, — и странная, звенящая горечь. Потому что смерть Котори ничего не меняла. Потому что Котори была лишь частью системы, и система осталась.

«Ты не такая, как они», — сказал Охотник.

Но она такая. Она убивала. Она служила им. Она верила в их ложь — верила искренне, самозабвенно, потому что эта ложь была единственным, что давало смысл её существованию. И ложь эта...

Никакой войны нет.

Осознание обрушилось на неё, как тонна кирпичей, как тот кусок потолка, который проломил Охотник. Не было никакой великой битвы за судьбу мира. Не было священного долга и искупления через службу. Не было защиты невинных и борьбы со злом. Были просто чокнутые

девочки-волшебницы, которые упивались своей силой, играли в солдатиков, делили территории и уничтожали всех, кто вставал у них на пути. «Серебряный Ковен», «Багровый Круг», «Теневой Хор», «Пламя Возрождения» — все эти громкие названия были просто прикрытием для банд. Обыкновенных банд психопатов с магическими способностями, которые использовали людей, как расходный материал.

А она, Мита Анами, была их цепным псом. Их бессмертным расходным материалом. Их грязной работой. Она убивала, думая, что делает это ради искупления, ради прощения за смерть Юны. Но не было никакого искупления. Не было никакого прощения. Была только бесконечная, бессмысленная бойня, в которой она была не солдатом, а оружием. Инструментом. Вещью.

Мита засмеялась — тихо, хрипло, с надрывом. Смех перешёл в кашель, кашель — в рыдания. Она смеялась и плакала одновременно, и слёзы текли по щекам, смешиваясь с кровью и грязью, оставляя светлые дорожки на покрытом копотью лице. Она смеялась над своей глупостью, над своей доверчивостью, над тем, как легко её обманули. Над тем, как она годами верила в то, что было ложью от первого до последнего слова.

Юна умерла напрасно. Её смерть не стала началом пути к искуплению — она стала началом пути в ад, вымощенного чужими трупами. И самое страшное — Юна никогда бы не хотела такого для своей сестры. Никогда.

Где-то вдалеке выли сирены — полиция и спецслужбы всё-таки добрались до штаб-квартиры «Ковена». Интересно, что они там найдут? Труп Котори в луже крови? Следы магии? Или Сакуя уже активировала протоколы зачистки, и от базы не осталось ничего, кроме пустого офисного здания с парой сломанных столов и разбитым потолком?

Мите было всё равно.

Она сидела в темноте, на холодном бетонном полу заброшенного склада, сжимая в ладони серебристое яблочное семечко — маленькое, тёплое, пульсирующее мягким светом. Единственное, что осталось у неё от того мира, который только что рухнул. Нанами. Серебряная Девочка-Волшебница. Та, что никогда не говорила — но, как оказалось, могла. Та, что молча давала ей яблоки и смотрела с печалью. Та, что прикрыла её стальным куполом и сказала: «Прости за всё».

Она знала? Она догадывалась? Или она такая же, как Сакуя, просто лучше умеет притворяться? Или она — пленница, как и сама Мита, вынужденная молчать под страхом смерти?

Вопросов было слишком много. Ответов — ни одного.

Но одно Мита знала точно: она больше не вернётся в «Ковен». Она больше не будет оружием в чужих руках. Она больше не будет слепо подчиняться приказам, не задавая вопросов. Она найдёт правду — всю, до самого конца. О парне с катанами, об Охотнике, о его мести и его мотивах. О том, как он получил силу волшебницы. О том, кто на самом деле управляет этим миром, полным лжи, крови и цветовых схем.

И когда она узнает всё — она примет решение. Своё собственное решение. Не Сакуи, не Котори, не Охотника и не кого-либо ещё. Её.

Первое свободное решение за четыре года.

А пока — нужно выжить. Залечить раны. Набраться сил. И ждать. Ждать, пока яблочное семечко в её ладони не засветится ярче, и молчаливая Девочка-Волшебница Стали не придёт к ней с ответами.

Или с новыми вопросами.

Глава 5. Самый страшный сон

Когда-то у него было другое имя.

Не Охотник. Не убийца. Не призрак с двумя катанами, от одного вида которого у девочек-волшебниц кровь стыла в жилах, а сердца пропускали удары. Когда-то его звали просто Джу. Обычный парень из небогатого района на окраине Осаки. Обычная школа, обычные оценки — не отличник, но и не двоечник, — обычные проблемы, обычная жизнь. Подработка после уроков в круглосуточном магазине, где он расставлял товары на полках и терпел капризы ночных покупателей. Кредиты за квартиру, которые мать тянула одна после смерти отца. Старый велосипед с вечно слетающей цепью, на котором он ездил на учёбу. Мечты о будущем — смутные, неопределённые, но тёплые.

И была она.

Её имя до сих пор отзывалось болью где-то глубоко внутри — в том месте, которое Джу давно считал мёртвым, похороненным под слоем льда и стали. Он запретил себе произносить его вслух — это было бы святотатством, осквернением памяти. Запретил думать о ней в те редкие минуты, когда оставался один, в тишине между миссиями, и прошлое подступало к горлу, грозя задушить. Но забыть не мог. Память — жестокая штука. Она хранит не только факты, но и запахи, звуки, прикосновения, ощущение тепла. Хранит свет в её волосах — серебристых, почти белых на солнце. Хранит её смех — тихий, мелодичный, словно звон хрустальных колокольчиков. Хранит вкус её губ — яблочный, потому что она всегда ела яблоки, всегда, каждый день, словно без них не могла прожить.

Она была его вселенной. Банально? Возможно. Глупо? Наверное. Но когда тебе семнадцать и ты влюблён впервые в жизни — по-настоящему, до дрожи, до боли, до ощущения, что без этого человека мир потеряет все краски, — вся вселенная действительно сжимается до одного человека. До одной улыбки. До одного взгляда серых глаз, в которых отражалось небо.

Они познакомились в старшей школе — она перевелась из другого города в середине учебного года, когда все группы уже сложились, а места за партами были распределены. Тихая, застенчивая, немного нелюдимая, с серебристым отливом волос, который на солнце казался почти белым, а в тени — тёмно-серым. Она сидела за соседней партой, у окна, и почти ни с кем не разговаривала. На переменах читала книги — старые романы в потрёпанных обложках, — а на вопросы отвечала односложно. Одноклассники быстро потеряли к ней интерес, сочтя странной и нелюдимой.

Джу тоже не был душой компании — скорее, угрюмой одиночкой с репутацией человека, с которым лучше не связываться. Вспыльчивый, резкий, привыкший решать споры кулаками, он отпугивал большинство сверстников. Два изгоя в шумном классе, полном обычных подростков с обычными интересами — возможно, именно это их и сблизило. Два пазла, которые не подходили ни к какой другой картине, но идеально подошли друг к другу.

Первое слово он сказал ей случайно — спросил, который час, потому что его телефон разрядился. Она ответила, не поднимая глаз от книги. Второй раз он предложил ей половину своего обеда — она забыла свой дома. Она приняла, тихо поблагодарив. Третий раз они случайно пошли в одну сторону после школы и разговорились.

Оказалось, она тоже любила тишину. Тоже не вписывалась в общие компании. Тоже чувствовала себя чужой в этом городе, в этой школе, в этом мире. У неё не было друзей — только книги и мысли, которыми она не могла ни с кем поделиться. До него.

Первая прогулка до станции — неловкая, полная пауз. Потом — ещё одна, уже более свободная. Они начали встречаться как-то сами собой, без громких признаний и пафосных жестов. Просто в какой-то момент — тёплым весенним вечером, когда в воздухе пахло цветущими

щей сакурой, — стало очевидно: они — вместе. И это было правильно. Это было самое естественное, самое гармоничное, что когда-либо происходило в его жизни.

Они гуляли часами. Осака была их городом — шумным, ярким, живым, бесконечно разнообразным. Они ходили по маленьким улочкам Дотонбори, освещённым неоновыми вывесками, отражающимися в водах канала. Ели рамэн в крошечных кафешках, спрятанных в подворотнях, где подавали лучший бульон в городе. Сидели на набережной реки Йодо, болтая ногами над водой, и смотрели на закат, окрашивающий небо в оранжевые и розовые тона. Строили планы на будущее — наивные, детские, прекрасные в своей недостижимости.

Она хотела стать дизайнером — рисовала в альбоме эскизы платьев и костюмов, фантастических и реальных, и Джу казалось, что у неё настоящий талант. Он хотел открыть свою мастерскую по ремонту мотоциклов — возиться с железом, вдыхать запах бензина и масла, возвращать к жизни старые машины. Они мечтали переехать в Токио после окончания школы, снять маленькую квартирку с видом на залив, завести собаку — большого, лохматого пса, который будет встречать их с работы и требовать долгих прогулок. По вечерам они будут сидеть на балконе, пить чай и смотреть на огни города. По выходным — ездить за город, гулять в лесу, забывать о суете. И главное — они будут вместе. Всегда.

— Ты станешь моим мужем? — спросила она однажды вечером. Они сидели на их любимой крыше — заброшенного склада в порту, куда можно было забраться по пожарной лестнице, — и ветер трепал её серебристые волосы. Звёзды над ними были огромными, яркими, близкими — казалось, протяни руку, и дотронешься. Она смотрела на него своими серыми глазами, в которых отражался Млечный Путь, и в этом взгляде было столько надежды, что у него перехватило дыхание.

— Обязательно, — ответил он, не раздумывая ни секунды. — Как только закончим школу. Я найду работу, накоплю денег, куплю кольцо. Мы поженимся, переедем в Токио, заведём собаку. Всё будет так, как ты хочешь.

Она улыбнулась, но улыбка вышла печальной — словно она знала что-то, чего не знал он. Словно она уже видела будущее, и это будущее было тёмным.

— А если я вдруг исчезну? — спросила она тихо, и в её голосе прозвучала тревога, которую он тогда не заметил. — Если меня... заберут? Если мне придётся уйти, не попрощавшись?

— Тогда я найду тебя, — сказал он твёрдо, сжимая её ладонь в своей. — Где бы ты ни была. Как бы далеко ты ни спряталась. Я переверну весь мир, но найду. И верну обратно.

Она посмотрела на него долгим, странным взглядом — в нём смешались любовь, грусть, благодарность и что-то ещё, что-то тёмное, чего он не мог понять. А потом улыбнулась — печально, но искренне.

— Ты не сможешь. Но мне очень приятно это слышать. Очень-очень.

Он не придавал значения этим словам. Подумал — просто глупые страхи, романтическая меланхолия, девичьи фантазии о трагической любви. Подумал — она просто боится будущего, неизвестности, перемен. Обнял её, прижал к себе, поцеловал в макушку. «Всё будет хорошо, — прошептал он. — Я обещаю. Я всегда буду рядом.»

Она ничего не ответила. Только прижалась крепче, словно пыталась запомнить это мгновение навсегда.

А через месяц она исчезла.

Это случилось во вторник. Самый обычный, ничем не примечательный осенний вторник, который начинался так же, как сотни других вторников до него. Солнце светило тускло, через облака. В воздухе пахло приближающейся зимой. Они договорились встретиться после школы у ворот — она сказала, что ей нужно забежать домой, оставить учебники и переодеться, а потом они пойдут в кино на новый фильм, который она давно хотела посмотреть. Что-то про любовь и разлуку — она обожала такие мелодрамы.

Он ждал её у школьных ворот. Ждал час. Ждал два. Телефон в кармане молчал. На звонки она не отвечала — длинные гудки сменялись холодным голосом автоответчика.

Сначала он злился. «Ну вот, опять забыла, опять задержалась, опять витает в облаках. Вечно она так.» Потом начал волноваться. «Может, что-то случилось? Может, она заболела? Может, её задержали родители?» А потом — когда стемнело, а она так и не появилась, — побежал к ней домой, не чуя под собой ног.

Дверь была открыта. Он вошёл — и замер на пороге.

Квартира была пуста. Ни души. Ни звука. Только тишина — глубокая, мёртвая, какая-то неестественная. Ни следов борьбы, ни беспорядка, ни разбросанных вещей. Всё на своих местах. Обувь в прихожей. Книги на полках. Эскизы на столе — недорисованное платье, лёгкое и воздушное. На кухне — недопитый чай, уже остывший. Как будто она просто вышла на минутку и должна была вот-вот вернуться.

Но на столе лежало кое-что. Маленький предмет, похожий на серебряное семечко, тускло мерцающий в полумраке. Он излучал тепло и слабый, едва уловимый свет, пульсирующий, как сердцебиение. И рядом — записка. Всего несколько слов, написанных её аккуратным, чуть угловатым почерком:

«Прости. Я не могу остаться. Так будет лучше для тебя. Забудь меня. Пожалуйста.»

Почерк был её — он знал его так же хорошо, как свой собственный. Но слова... эти слова не имели смысла. Она не могла просто взять и уйти. Не могла бросить всё — его, школу, свои рисунки, их планы, их мечты, — не попрощавшись. Должно быть другое объяснение. Должно быть.

Он не поверил. Не мог поверить.

Он искал её везде. Сначала — больницы. Обзванивал приёмные покои, травмпункты, morgi. Дрожащим голосом спрашивал, не поступала ли к ним девушка с серебристыми волосами, серыми глазами, небольшого роста. Нет, отвечали ему, таких не было. Потом — полицейские участки. Писал заявление о пропаже, заполнял бесконечные бланки, отвечал на одни и те же вопросы. Да, она его девушка. Да, они встречались. Нет, она не говорила о том, что хочет уйти. Нет, у неё не было причин для побега. Нет, она не принимала наркотики, не связывалась с плохими компаниями, не состояла в сектах. Она была... она была самой обычной. Самой лучшей.

Полицейские обещали помочь, но он видел по их глазам — они считают, что девушка просто сбежала от надоевшего парня. Что она где-то гуляет с друзьями и через пару дней вернётся. Что такие истории случаются сплошь и рядом, и нечего поднимать панику.

Он расклеивал объявления по всему району — с её фотографией, с номером телефона, с обещанием вознаграждения. Опрашивал соседей, прохожих, продавцов в окрестных магазинах. Ходил по улицам до глубокой ночи, выкрикивая её имя, пока не садился голос. Никто ничего не знал. Она просто исчезла — как будто её никогда не существовало. Как будто она была призраком, сном, иллюзией.

А потом он нашёл свидетеля.

Мужчина, живший этажом ниже — пожилой, с больными ногами, редко выходящий из дома, — сказал, что видел в тот день странное. Он как раз сидел у окна, читал газету, когда заметил двух девушек, подошедших к подъезду. Они были одеты в яркие, неестественно сверкающие платья — синее и зелёное, — и от них исходил какой-то странный, мерцающий свет. Они не были похожи на обычных людей. Они двигались слишком плавно, смотрели слишком остро, и воздух вокруг них дрожал, как в жару. Они вошли в подъезд — он точно помнил, потому что следил за ними из праздного любопытства. А через полчаса вышли. Без той, к кому приходили.

— Они были... волшебницы, что ли? — сказал мужчина, неуверенно почёсывая затылок и поправляя очки. — Ну, те самые, из новостей. Про которых всё время говорят. Девочки-

волшебницы. Только страшные какие-то. Не такие, как по телевизору показывают — милые, в розовых платьицах, с бантиками. Эти смотрели, как... как змеи. Я ещё подумал — не дай бог таким на улице встретиться.

И тогда в голове Джу что-то щёлкнуло. Словно последний кусочек пазла встал на место, и картина обрела целостность — страшную, пугающую целостность. Девочки-волшебницы. Они существуют на самом деле — не только в новостях и интервью. Они реальны. И они забрали её. Зачем? Почему? Что им от неё нужно?

Ответов не было, но он и не нуждался в ответах. Ему не нужны были причины. Ему не нужны были объяснения. Ему нужна была только месть.

С того дня обычный парень по имени Джу перестал существовать.

Он начал тренироваться. Сначала — просто чтобы чем-то занять себя, чтобы отвлечься от боли, которая разъедала изнутри, словно кислота. Бегал по утрам до полного изнеможения, пока ноги не подкашивались, а лёгкие не начинали гореть огнём. Записался в секцию кэндо — просто так, для физической нагрузки. Оказалось, у него талант. Природная скорость, молниеносные рефлексy, чувство дистанции, умение предугадывать движения противника. Тренеры качали головами и говорили: «Парень, ты мог бы стать профессионалом. С таким талантом — прямая дорога на чемпионат страны.» Он только усмехался в ответ. Профессионалом? Ему не нужны были медали и кубки. Ему нужна была кровь.

Потом он перешёл в более серьёзную школу — ту, где преподавали не спортивное фехтование, а реальное искусство боя на мечах. Старые мастера, последние носители древних традиций, учили его не набирать очки в спаррингах, а убивать. Убивать быстро, эффективно, без лишних движений. Он впитывал знания, как губка, тренируясь днями и ночами, забывая о еде и сне. Мышцы болели не переставая, ладони покрылись кровавыми мозолями, которые потом превратились в жёсткие мозоли, но он не останавливался.

Месяцы тренировок слились в один бесконечный, изнурительный марафон. Он бросил школу — какой смысл в аттестате, если его единственная цель в жизни — убийство? Бросил подработку — деньги, отложенные на их общее будущее, на свадьбу, на квартиру в Токио, теперь уходили на оружие, экипировку и информацию. Он изучал всё, что можно было найти о девочках-волшебницах. Собирал слухи, байки, обрывки новостей, скрытые от общественности отчёты. По крупицам восстанавливал картину мира, который существовал параллельно с обычным — мира магии, кланов, тайных войн.

И чем больше он узнавал, тем яснее понимал: обычному человеку нечего противопоставить этим существам. Они быстрее, сильнее, выносливее. У них есть магия — сила, способная изменять реальность. Чтобы сражаться с ними на равных, нужна магия. Нужна сила.

Он искал способы получить её — и нашёл. Тёмные уголки интернета, подпольные форумы, где обсуждались вещи, о которых нормальные люди даже не подозревали. Слухи о чёрном рынке артефактов, о подпольных лабораториях, где ставили эксперименты на людях — опыты по передаче магии от волшебницы к обычному человеку. Большинство подопытных умирало в страшных мучениях. Но некоторым — единицам — удавалось выжить и получить способности.

Джу потратил почти год, чтобы выйти на нужных людей — теневого торговца, бывших учёных, изгнанных из легальных институтов за неэтичные эксперименты. Ещё полгода ушло на то, чтобы уговорить их помочь. Это стоило ему всех сбережений, которые он копил годами, нескольких сломанных рёбер (торговцы не любили, когда на них давили) и части души, которую он, кажется, потерял где-то по пути. Но результат превзошёл ожидания.

Сила девочки-волшебницы в теле парня. Нестабильная, опасная, грозящая разорвать организм в клочья при каждом использовании — его тело не было предназначено для такой магии, оно отторгало её, боролось с ней. Но работающая. Его способностью стала скорость — не просто быстрые движения, а запредельное ускорение, позволявшее двигаться быстрее, чем

человеческий глаз способен уловить. В сочетании с двумя катанами, которые он освоил за эти годы в совершенстве, это делало его практически невидимым для врагов.

И он начал охоту.

Первые убийства были хаотичными, импульсивными, неуклюжими. Он нападал на любых волшебниц, которых мог найти, не разбирая, из какого они клана и в чём виноваты. Просто видел магию — и атаковал, движимый слепой яростью. Со временем пришли опыт и холодная расчётливость. Он научился собирать информацию, планировать операции, ждать часами, днями, неделями. Превратился из мстительного мальчишки в профессионального убийцу, за которым охотились уже сами волшебницы.

Его прозвали Охотником. Он убил больше тридцати — точное число он не вёл, это было неважно. Но двоих самых главных — ту, в синем платье, и ту, в зелёном, — он всё никак не мог найти. Словно они исчезли с лица земли, растворились в тенях этого бесконечного города.

Встреча с Алисой произошла случайно — если в мире магии вообще бывают случайности.

Был поздний вечер, переходящий в ночь. Джу выслеживал очередную цель — волшебницу из «Багрового Круга», которая, по слухам, промышляла похищениями людей для ритуалов. Несколько недель назад в окрестных районах начали пропадать люди — бездомные, подростки из неблагополучных семей, те, кого никто не будет искать. Джу знал, что это работа «Круга» — они всегда использовали людей как расходный материал. След привёл его в заброшенный парк аттракционов на окраине города — жуткое, гиблое место, где ржавые карусели скрипели на ветру, вывески давно потускнели и облупились, а краска на весёлых зверюшках облезла, обнажая серый бетон.

Он шёл по тёмной аллее, сжимая катаны, когда услышал плач. Тонкий, жалобный, детский — такой плач мог бы растопить сердце любого нормального человека. На скамейке под сломанным фонарём, который давно не горел, сидела маленькая девочка в розовом платьице. Золотые локоны, пухлые щёчки, огромные голубые глаза, полные слёз. Она выглядела потерянной, несчастной и совершенно безобидной.

— Помогите мне, — прошептала она, увидев его. Голос дрожал, как у настоящего испуганного ребёнка. — Я заблудилась. Я не могу найти маму. Я здесь совсем одна.

Обычный человек бросился бы помогать. Обычный человек увидел бы просто потерявшегося ребёнка и, не раздумывая, кинулся бы на помощь. Но Джу уже давно не был обычным человеком. Он слишком много знал о том, как охотятся волшебницы. Он слишком хорошо чувствовал фальшь — она была в каждом жесте, в каждом слове, в том, как плач обрывался слишком резко, когда она делала вдох.

— Я знаю, кто ты, — сказал он, не опуская клинков. — Прекрати представление. Оно неубедительно.

Плач оборвался мгновенно. Словно кто-то нажал на кнопку «стоп». Тишина наступила такая резкая, что зазвенело в ушах. Девочка медленно поднялась со скамейки, и её движения были уже не детскими — плавными, текучими, змеиными. Она улыбнулась, и от этой улыбки у Джу мороз пробежал по коже. Потому что это была улыбка взрослого, жестокого, расчётливого существа, которое притворялось невинным ангелом и делало это так долго, что почти поверило в собственную ложь.

— А ты не так прост, — произнесла она низким, совершенно не детским голосом, который эхом отразился от ржавых каруселей. — Интересный мальчик. Ты пахнешь магией... но ты не волшебница. Парадокс. Ошибка природы? Или чей-то забавный эксперимент?

Её лицо пошло рябью, как водная гладь от брошенного камня. Милый образ затрещал по швам, и сквозь него проступило нечто иное — то, что скрывалось под маской всё это время. Глаза — уже не голубые и невинные, а тёмные, глубокие, как бездна, в которой не было ни капли света. Рот — слишком широкий, полный острых, как иглы, зубов, растущих

в несколько рядов. Кожа — бледная, с зеленоватым оттенком, словно у трупа, пролежавшего в воде несколько недель. И голос — скрежещущий, многоголосый, как хор безумцев, доносящийся из-за закрытых дверей.

— Ты видишь меня, — пропело существо, и в его голосе звучало неподдельное, почти детское удовольствие. — Ты видишь мою истинную форму. Это такая редкость! Обычно люди видят только то, что я хочу им показать. Только милую оболочку. Только сладкую ложь. А ты... ты видишь. Ты особенный. Очень-очень особенный. Я бы хотела... изучить тебя. Поближе. Разобрать на части и посмотреть, что внутри.

Джу не стал дожидаться продолжения. Он бросился в атаку — быстрее, чем когда-либо, напрягая все свои способности до предела. Катаны рассекли воздух с пронзительным свистом...

Но Алиса оказалась быстрее. Она просто исчезла с того места, где стояла, и появилась в десяти метрах левее, всё так же улыбаясь своей жуткой, многозубой улыбкой.

— Скорость, — произнесла она задумчиво, склонив голову набок под неестественным углом. — Способность, связанная с ускорением. Интересно. Очень интересно. Я такое уже видела однажды. Но недостаточно быстро, чтобы поймать меня.

Вокруг неё начали материализоваться фигуры. Люди — обычные люди, с пустыми, безвольными глазами, лишёнными искры разума. Они выходили из-за ржавых каруселей, из тёмных аллей, из-за прилавков с давно сгнившими сладостями, из тени заброшенного колеса обозрения. Десятки людей. Мужчины, женщины, даже несколько подростков — один из них был в школьной форме. Все они двигались синхронно, как единый организм, как солдаты на параде. Их глаза были пусты, но в глубине зрачков теплился ужас — они всё ещё осознавали, что с ними происходит, но ничего не могли сделать.

— Мои маленькие солдатики, — проворковала Алиса, паря в воздухе над ними. — Все они сочли меня милой. Все они попали под моё очарование. Все они теперь мои — телом и душой. А ты сочтёшь? Посмотришь на меня и скажешь, что я милая?

— Нет, — отрезал Джу, не колеблясь ни секунды.

— Жаль. Очень жаль. Тогда ты умрёшь — медленно и мучительно. Мои куклы разорвут тебя на части, а я буду смотреть и смеяться.

Толпа бросилась на него — беззвучно, без криков, без эмоций, просто как волна человеческой плоти. Джу рубил их, стараясь не убивать — он видел ужас в их глазах, он понимал, что это невинные жертвы, такие же пленники, как и те, кого «Багровый Круг» использовал в ритуалах. Он бил плашмя, оглушал, отбрасывал — но их было слишком много. Они наваливались со всех сторон, хватали за руки, за ноги, за плащ, пытались повалить, прижать к земле, лишить подвижности. Алиса парила над ними, смеясь своим многоголосым, скрежещущим смехом, и её голос разносился по всему парку, как вой сирены.

Джу пришлось отступить. В тот раз он едва унёс ноги, затерявшись в лабиринте промышленных кварталов, примыкающих к парку. Он был ранен, измотан, но жив. И с того дня он знал свою главную цель.

Алиса. Лидер «Багрового Круга». Самая опасная из всех, кого он встречал. Та, с которой он поквитается во что бы то ни стало — даже если это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

Он начал готовиться. Долго. Тщательно. Как никогда раньше. Три месяца ушло только на сбор информации: структура клана, расположение убежищ, маршруты передвижения, сильные и слабые стороны Алисы и её ближайшего окружения, её привычки, её слабости. Он выяснил, что её способность — контроль над теми, кто считает её милой, — не действует на тех, кто видит её истинную сущность. Таких, как он, с израненной душой и убитой способностью к нормальным эмоциям. И, возможно, таких, как некоторые волшебницы — те, что были достаточно сильны, чтобы сопротивляться.

Это давало шанс. Маленький, призрачный, почти невидимый — но шанс.

В тот день он впервые увидел Миту.

Это было за две недели до событий на заводе «Асано». Джу сидел на крыше заброшенного склада в пригороде, наблюдая за развалинами промышленной зоны. По его информации, здесь должна была состояться встреча между представителями «Багрового Круга» и какой-то мелкой, недавно сформированной группировки, возомнившей себя новым кланом. Джу планировал вмешаться в самый разгар переговоров и вырезать обе стороны — чем меньше волшебниц, тем лучше, независимо от их принадлежности.

Но всё пошло не так, как он рассчитывал.

На встречу прибыла только одна волшебница. Молодая — примерно его возраста, — с алыми волосами необычного оттенка: тёмно-красными снаружи и светло-алыми изнутри, словно двухслойными. Она двигалась уверенно, профессионально, явно привыкнув к боям. Боевой костюм — тёмно-бордовый, почти чёрный, — облегал фигуру. Отточенные движения, холодный взгляд. Типичная девочка-волшебница, подумал он тогда с привычной ненавистью. Очередная цель. Ещё одно имя в списке.

Её противница появилась минут через пять — вышла из тени ржавого ангара. Джу не знал её имени — какая-то волшебница из «Багрового Круга», судя по красному балахону, наброшенному поверх боевого платья. Они обменялись несколькими фразами — слишком тихо, чтобы он мог расслышать с такого расстояния, — а затем начался бой.

Это был жестокий, быстрый, беспощадный бой — двое профессионалов, не уступающих друг другу в мастерстве. Аловолосая волшебница дралась, как загнанный зверь, — без страха, без колебаний, без жалости к себе. Она пропускала удары, которые должны были её убить, и продолжала сражаться. Получала раны, которые затягивались прямо на глазах с неестественной скоростью. Её противница — опытная, судя по движениям, — явно не ожидала такого напора и начала отступать, переходя к обороне.

Джу уже собирался вмешаться — идеальный момент, чтобы убить обеих, когда они ослаблены боем, — но что-то его удержало. Какое-то смутное, неопределённое предчувствие. Он остался на месте и продолжил наблюдать.

И тогда он заметил странность.

Аловолосая волшебница провела особенно удачную атаку — ложный выпад и резкий удар с разворота. Глубокий, рваный разрез на плече противницы. Кровь брызнула на асфальт, окрашивая его в алый. «Багровая» вскрикнула и отшатнулась, прижимая руку к ране, по её лицу побежали слёзы боли. И тогда аловолосая сделала то, чего Джу не ожидал. Она остановилась. Опустила оружие. И произнесла одно-единственное слово — тихо, почти беззвучно, одними губами:

— Простите.

Она сказала это на автомате, явно не думая, что кто-то может услышать. Но Джу услышал. И это слово — простое, искреннее, полное сожаления — перевернуло всё его восприятие.

Он замер на крыше, вглядываясь в лицо аловолосой волшебницы. И впервые за долгое, очень долгое время увидел не врага. Не очередную цель. Не монстра в человеческом обличье. А человека. Загнанного, измученного, сломленного человека, который убивает не потому, что хочет, а потому, что вынужден. Который ненавидит себя за каждую отнятую жизнь. Который всё ещё говорит «простите» — тем, кто пытался убить его, тем, кто не заслуживает прощения, — потому что не может иначе.

«Ты не такая, как они», — подумал он тогда, и эта мысль стала началом всего, что произошло потом.

Он не стал вмешиваться в тот бой. Вместо этого он начал следить за аловолосой волшебницей — осторожно, незаметно, держась в тени. Выяснил её имя — Мита Анами. Выяснил её историю — крупица за крупицей, из обрывков разговоров, из документов, из наблюдений. Как она получила силу. Как погибла её сестра — та самая девушка, что была рядом с ней в момент

Пробуждения и чья жизнь стала платой за бессмертие. Как «Серебряный Ковен» завербовал её, сломленную и отчаявшуюся, пообещав искупление и смысл жизни, и превратил в идеального солдата. Узнал про её способность — бессмертие ценой чужой жизни, самое жестокое из всех магических проклятий.

И понял: она такая же жертва, как и он. Только её месть направлена не вовне, а внутрь. Она не мстит своим обидчикам — она позволяет им использовать себя, надеясь на искупление, которое никогда не наступит, на прощение, которое никто не даст. Она наказывает себя снова и снова, идя на самые опасные миссии, умирая и воскресая, убивая и страдая.

Когда он узнал о готовящейся засаде на заводе «Асано» — через свои каналы, через подслушанные разговоры адептов, — он понял: это шанс. Двойной шанс. Шанс выманить Алису из её норы — она не упустит возможность заполучить бессмертную волшебницу. И шанс проверить свою догадку насчёт Миты — действительно ли она отличается от остальных.

Он позволил засаде случиться. Позволил адептам схватить её — хотя каждый инстинкт кричал вмешаться. Ждал, затаившись в тени, пока Алиса не покажется лично. И когда она появилась — нанёс удар.

И когда он увидел Миту на крыше завода — раненую, измученную, но всё ещё живую, всё ещё борющуюся, всё ещё не сломленную, — он понял, что не сможет убить её. По крайней мере, не сейчас. Не так. Сначала он разберётся с теми, кто действительно заслуживает смерти. С Сакуей, которая превратила наивную девочку в оружие. С Алисой, которая коллекционирует волшебниц, как бабочек. Со всеми, кто использует таких, как Мита, в своих грязных, бесконечных играх.

А потом... Потом он решит.

Но сначала — Алиса. Сначала — месть за серебристые волосы и смех, похожий на колокольчики. За поцелуи на крыше под звёздами. За будущее, которое у него украли. За записку, которая до сих пор лежала в его кармане — потёртая, пожелтевшая, перечитанная тысячу раз. «Прости. Я не могу остаться. Так будет лучше для тебя. Забудь меня.»

Он не забыл. И не простил.

Он встал, потянувшись за катанами. Где-то в темноте были сирены — полиция наконец-то добралась до штаб-квартиры «Ковена». Скоро здесь будет слишком много людей в форме. Нужно уходить — исчезнуть так же незаметно, как появился.

Джу в последний раз посмотрел в ту сторону, куда убежала Мита. Он надеялся, что она воспользуется шансом. Что она не вернётся в «Ковен». Что она начнёт думать своей головой, а не слепо следовать приказам. Что она найдёт в себе силы разорвать этот порочный круг.

А если нет — что ж, у него ещё будет время её переубедить. Или выполнить то, что он должен.

Он растворился в тенях, оставив позади разрушенный командный центр, труп Котори и осколки мира, который рухнул сегодня для всех — и для него, и для Миты, и для тех, кто ещё не понял, что их время истекло.

Самый страшный сон стал реальностью. Для него — три года назад, когда он открыл дверь в пустую квартиру и нашёл на столе записку. Для Миты — сегодня, когда она осознала, что все её жертвы были напрасны.

Но любой кошмар рано или поздно заканчивается. И когда он заканчивается, наступает время пробуждения.

Время мести.

Время правды.

Время собирать осколки и строить что-то новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.